

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Бринев Константин Иванович

**ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РУССКОГО СЛОВА КАК НОСИТЕЛЬ
ПОТЕНЦИАЛА ЕГО ДЕРИВАЦИОННОГО
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель –
доктор филологических наук профессор,
Николай Данилович Голев

Кемерово 2002

Содержание

Список условных сокращений.....	4
Введение	5
Глава 1. Внутренняя форма слова как многосторонний и внутренне противоречивый объект	16
1.1 Системное и функциональное в мотивационном плане лексических единиц	20
1.1.1 Концепции структурно-семантического описания внутренней формы слова	21
1.1.2 Концепции функционального описания внутренней формы слова.....	24
1.2 Отражательное и коммуникативное в мотивационном плане лексических единиц	35
1.3 Генетическое и синхронно-функциональное в мотивационном плане лексических единиц	46
1.4 Внутренняя форма слова как механизм его деривационного функционирования	50
Выводы	56
Глава 2. Экспериментальное исследование потенциала деривационного функционирования мотиватов	58
2.1 Материал, цели и характер эксперимента	58
2.2 Анализ экспериментальных данных	60
2.2.1. Методика анализа	60
2.3 Описание исследуемого материала.....	72
Выводы	121
Заключение	123

Литература 127

Список условных сокращений:

ВФС – внутренняя форма слова

ЛДК – лексико-деривационный контекст

ГИз. – характер и глубина изменений

А. – ассоциативный тип реакций

Т. – тавтологический тип реакций

П. – реакции простого типа

М. – местоименный тип реакций

С. – синтагматический тип реакций

Осл. – осложненный тип реакций

Отк. – отказ

Введение

Настоящая работа вписана в контекст исследований, посвященных проблемам мотивологии и дериватологии русского языка (см. работы Блиновой О.И, Голева Н.Д, Гусар Е.Г., Дорониной Н.И., Мурзина Л.Н., Наумова В.Г., Трубниковой Ю.В. и др.).

Актуальность исследования. В теории мотивации накоплен обширный материал, который посвящен исследованию различных сторон и проявлений внутренней формы слова (далее – ВФС), но достаточно длительный период времени в отечественной лингвистике был посвящен описанию системно-статического аспекта названного явления, что, безусловно, определялось тенденциями развития науки. Структурно-семантическая традиция описания ВФС была напрямую связана с представлениями о языке как о статической, замкнутой системе. Мотивация же при этом определялась как особый тип отношений между его единицами – как формально-семантическая зависимость одной единицы от другой. При этом основной целью исследования являлось описание семантических и структурных свойств мотиватов. Теория деривации в этом плане выработала свой терминологический аппарат, методы и принципы описания, которые были призваны адекватно представить отношения мотиватов внутри языковой системы. Такие термины, как степени членимости, мотивированности, направление мотивации, являются общепризнанными в науке, и стоящие за ними лингвистические факты представляются достаточно детально разработанными. Несмотря на это, нельзя сказать, что теория системного описания мотивированных слов представляет собой законченную, непротиворечивую и целостную теорию. Одной из причин отсутствия целостности, на наш взгляд, является то, что названные проблемы решались на ограниченном материале (тематические, структурные и т.п. группы слов), что, безусловно, затрудняло и затрудняет проекцию выработанных принципов описания на весь словарный массив русского языка. Другая заключается в том,

что различные теоретические концепции порой взаимоисключают друг друга, что, безусловно, связано с различием оснований, на которых они базируются. Например, оказываются нетождественными шкалы степеней членимости, построенные на формальных [Панов, 1975] и семантических основаниях [Гловинская, 1975], да и ответ на вопрос о членимости / нечленимости того или иного слова оказывается напрямую зависимым от выбранных лингвистом критериев. Данная неоднозначность обусловлена фактом противоречивости отношений между такими сторонами существования языка, как форма, содержание, функция, выбор же в качестве критерия той или иной стороны мотива (объективность присутствия всех трех очевидна) и является причиной нетождественности лингвистических описаний.¹

Безусловно, синхронно-статическое представление мотивации в конечном итоге так или иначе было связано с ее функционально динамическими проявлениями, но они в определенном отношении носили скрытый, имплицитный характер (ср., например, понятие продуктивности словообразовательного типа, введенное академическим изданием русской грамматики). Интерес же к собственно функциональной стороне мотивации был связан с интенсивным развитием исследований в области ономазиологии (Габинская О.А., Губанова В.А., Малеева М.С., Торопцев И.С.), а также с выделением в качестве отдельной дисциплины функционального словообразования (Земская Е.А., Кубрякова Е.С., Резанова З.И., Янценецкая М.Н.). Основной особенностью обозначенных подходов является тот факт, что рассмотренное в функциональном аспекте мотивационное содержание предстает как категория отражательного порядка: является обусловленным познавательными способностями носителя языка, функционируя, отражает внеязыковую ситуацию и т.п. Подобного рода концепции детерминированы, по нашему мнению, антропоцентристскими (в различных их вариантах)

¹ Мы считаем, что традиционные структурно-семантические описания должны быть рассмотрены через призму категории «функция», так как именно последняя и определяет устройство (формальное и семантическое) всех языковых явлений, включая ВФС, причем форма и содержание способны оказывать на нее обратное влияние.

представлениями об устройстве и функционировании языка, что, в общем, в настоящий момент представляет собой одну из ведущих тенденций в развитии лингвистики. На наш взгляд, такое представление носит односторонний характер и должно быть дополнено описанием модели языка, «которая представляет его в виде языкоречевой материи, несущей в себе самой потенции своей активности и – соответственно – в виде самодетерминирующейся и самонастраивающейся системы» [Очерки..., 1998, с. 8 – 9]. В этом плане мотивационно-деривационные процессы и структуры не являются исключением, но представляют собой яркую иллюстрацию противоречивости и неоднозначности их положения на шкале отражательное / коммуникативное.

Иной аспект, связанный с предназначением мотивации, выражающийся в противопоставлении лексических единиц: новообразования или готовые слова, оказывается связанным с такой общелингвистической антиномией, как генетическое / синхронно-функциональное. Существует мнение, что функции мотивировки исчерпываются актом создания новообразования, после такого акта мотивированность как бы теряет свой функциональный статус и становится не более чем генетическим элементом в структуре слова. Готовые в языке слова воспроизводятся, возможность их создания в процессах порождения речи / текста исключается (ср.: «взрослый и здоровый человек в нормальных условиях коммуникации не порождает и не воспринимает **освоенные языком слова** «по морфемам». Если почему-либо освоенное языком слово не было воспринято, его четкое проговаривание (фонетико-фонологический уровень становится ведущим) облегчает восприятие. Напротив, если при восприятии освоенного слова актуализируется его морфологическая структура, восприятие только затрудняется», хотя «морфемы и составляющие функциональных структур с успехом используются для восприятия и порождения **новых слов** (выделено нами – Б.К.)» [Уровни..., 1986, с. 55]).

Таким образом, определенная «разорванность» и противоречивость названных описаний (системных и функциональных), с одной стороны, внимание преимущественно к гносеологической функции ВФС и признание ее в качестве генетического элемента в структуре слова (признание отсутствия у нее своих синхронно-функциональных свойств) – с другой, препятствуют построению целостной картины названного объекта, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Другой аспект, определяющий актуальность исследования, возникает в связи с так называемым вопросом «психологической реальности лингвистических объектов» [Человеческий фактор..., 1991, с.82]. В связи с этим встает проблема верификации лингвистических гипотез. Нужно сказать, что положения (гипотезы) о функциональных и системных свойствах ВФС все еще нуждаются в надежных способах проверки. Чаще всего в этом плане решающая роль продолжает отводиться интуиции исследователя, которая, безусловно, является ценным источником описания, но все же не может, на наш взгляд, сообщить полученным результатам достаточно высокий уровень достоверности.² В связи с этим в работе предпринята попытка экспериментального исследования проблем онтологии и функционирования мотиватов. Эксперимент как исследовательская процедура позволяет, на наш взгляд, получить достоверные (= объективные, не зависящие от интуитивных представлений) данные.

Возвращаясь к противоречивости описаний ВФС в обозначенных выше аспектах, отметим, что такая противоречивость носит объективный характер и

² Приведем несколько конкретных примеров, наглядно иллюстрирующих данное положение. Так, М.Н. Янценецкая, описывая слова с так называемой остаточной членимостью, напрямую связывает их структурные особенности с процессами семантизации и формализации при развертывании или свертывании высказывания [Янценецкая, 1979]. Такой подход, безусловно, имеет свои объективные основания, т.к. в любом акте воспроизводства в свернутом виде присутствует акт производства, но все же при этом описываемая концепция, по нашему мнению, не выходит за рамки рабочей гипотезы, так как за подобного рода утверждением необходимо скрывается представление о том, что любое мотивированное слово воспринимается / производится поморфемно. Мы считаем, что такое представление требует объективного доказательства. Подобные проблемы возникают и при определении направления мотивации, где принцип естественности толкования мотивированного через мотивирующее представляет собой прежде всего интуитивную исследовательскую процедуру, а также при разработке принципов морфемного анализа (семоцентризм / формоцентризм).

обусловлена неоднозначностью положения ВФС по отношению к таким общеязыковым антиномиям, как отражательное / коммуникативное, генетическое / синхронно-функциональное, форма / содержание и др. (не случайна в этом плане ее противоречивая квалификация, представленная в лингвистической литературе: она квалифицируется то как форма, то как содержание; в свою очередь мотивационное содержание, выраженное в ВФС, предстает то как некоего рода условность, то напрямую связывается с отражающей деятельностью человека). В связи с этим настоящее исследование, посвященное изучению проблемы взаимодействия внутрисистемных и функциональных свойств внутренней формы мотиватов, представляет собой попытку выявления и описания механизмов их (свойств) взаимодействия. В этом плане общелингвистический контекст, с которым связана основная проблема работы, требует исследования ряда вопросов, без ответа на которые невозможно решение поставленной проблемы. Эти вопросы включают в себя, с одной стороны, изучение и анализ лингвистических концепций, посвященных системно-структурной и функциональной традиции описания ВФС, а также концепций, описывающих либо имплицитно включающих в себя принципы взаимодействия онтологической и функциональной сторон названного явления, с другой – поиски методов верификации теоретических положений исследования.

Из названных положений вытекают цель и задачи настоящего исследования. **Цель** работы заключается в попытке описания принципов взаимодействия онтологической и функциональной сторон мотиватов. Данная цель предполагает решение ряда следующих **задач**:

1. Проанализировать проблемы, связанные с ВФС, представленные в литературе, как в функциональном, так и в структурно-системном аспектах.
2. Выявить механизмы взаимодействия между функциональными и онтологическими свойствами мотиватов.
3. Выработать методы верификации выдвинутых предположений.

Так как в качестве основного метода верификации в работе выступает ассоциативно-деривационный эксперимент, это делает необходимым постановку еще одной задачи:

4. Выработать методику интерпретации данных эксперимента.

Таким образом, **объектом** настоящего исследования является внутренняя форма слова как целостный языковой феномен, **предметом** – функциональные свойства внутренней формы слова, источники, их формирующие и определяющие характер деривационного функционирования слова.

Под ВФС в настоящей работе мы понимаем морфо-мотивационный механизм, предназначенный для осуществления особого типа функционирования слова – деривационного его функционирования. Деривационное функционирование слова при этом представляет собой тип функционирования, «который характеризуется (в отличие от прямого номинативного функционирования слова) особым механизмом осуществления – активным (значимым) участием ВФС при его употреблении, актуализацией формальных суппозиций слова в процессе выбора лексической единицы...» [Голев, 1998, с. 13]. Данный тип функционирования может быть охарактеризован как функционирование с модификацией, при котором последующее развитие элементов текста связано в детерминационном отношении с его предыдущими элементами. Настоящее утверждение непосредственно связано с признанием суппозитивной функции мотивации в качестве ведущей (сущностной, глубинной) ее функции. Сущность суппозитивной функции заключается в том, что мотивация признается в качестве процесса «суппозитивно-мотивационного обеспечения актов деривации лексических единиц, впервые или повторно производимых» [Голев, 1989, с. 38]. При этом текст формируется по двум линиям означающее – означаемое, знак А – знак Б, и «создание плана выражения любой номинативной единицы детерминируется семантическими суппозициями, вытекающими из примата означаемого над означающим: содержанием

смыслового потока и его динамикой (становлением и развитием – членением на отдельные компоненты, их комбинированием и т.п.)» [Голев, 1995, с. 20]. С другой стороны, «...создание номинативной единицы обуславливается семантическими, формально-семантическими, формальными суппозициями. Суппозиционная функция необходимо возникает в процессе порождения речи, так как говорящий опирается на предшествующие фрагменты текста для создания новых фрагментов. Наиболее регулярно и последовательно данная функция действует в сфере семантической деривации (новые означаемые во многом складываются из суппозиционных элементов семантики), но в этот поток достаточно регулярно вовлекаются выраженные семы и наборы сем (это включает в речевую деятельность механизм морфемного анализа и синтеза); при этом не исключено, что собственно формальная сторона может оказаться решающим фактором, предопределяющим выбор плана выражения производимой номинативной единицы» [Голев, 1995, с. 20].

Как мы уже отмечали, ВФС представляет собой внутренне противоречивый объект (так, например, мотиват представляет собой уже созданное слово – результат некогда протекавшего деривационного процесса, и в этом отношении он элемент языковой системы, с другой стороны, мотиват – функционирующая единица, и в этом плане становится актуальным исследование роли ВФС в процессах порождения речи); это обусловлено противоречивым характером самого языка, в котором полюса форма / содержание, условное / отражательное, системное / функциональное и т.п. находятся в достаточно неоднозначных отношениях. Мы полагаем, что внутрисистемное положение мотиватов представляет собой результат борьбы названных противоречий и «опредмечивается» в категориях, которые стали в настоящее время общепризнанными (мы имеем в виду такие категории, как степень мотивированности, членимости и т.п.).

В связи с этим основная гипотеза работы заключается в следующем:

Внутрисистемные свойства мотиватов (степень их мотивированности) являются фактором, обуславливающим процессы их функционирования: мотиваты, обладающие различной степенью мотивированности, в деривационном отношении будут вести себя по-разному. При этом отметим, что взаимоотношение системных и функциональных (в деривационном плане) свойств слова не носит характера прямой функциональной зависимости, которую можно было бы описать следующей формулой «если ..., то **обязательно...**», но представляет собой связь вероятностно-статистического плана, имеющую зависимость вида «если ..., то **стремится к ...**». Данное положение основано на том, что члены антиномии система / функционирование при всем стремлении их к единству остаются относительно самостоятельными (обладают не только общими, но и присущими каждому в отдельности источниками формирования).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Внутренняя форма слова является механизмом, предназначенным для осуществления особого (деривационного) типа его функционирования.
2. Деривационное функционирование представляет собой особый тип функционирования слова, характеризующийся значимым участием формально-семантических суппозиций при создании / воссоздании (выборе) слова в процессах порождения речи.
3. Характер деривационного функционирования мотиватов определяется их внутрисистемным положением. Потенциал деривационного функционирования находится в отношениях корреляции со степенью мотивированности слова: чем выше степень мотивированности, тем выше

потенциал деривационного функционирования. Причем названная корреляция не носит характера прямой функциональной зависимости.

4. Процессы формирования мотиватов в генетическом аспекте представляют собой результат борьбы противоречий условного / отражательного, системного / функционального, формы / содержания, синхронно-функционального / генетического в языке, при этом формируются и будущие синхронно-функциональные их свойства, которые в системном плане опредмечиваются на шкале степеней мотивированности. Причем само функционирование мотиватов протекает под непосредственным воздействием перечисленных выше противоречий.

5. Члены названных антиномий представляют собой относительно самостоятельные образования, а их отношение реализуется как тип взаимодействия с обратной связью.

Научная новизна. В работе впервые предпринята попытка описания особенностей деривационного функционирования слова в лексикоцентристском аспекте. Настоящий аспект описания противопоставлен, с одной стороны, контекстоцентристскому подходу к проблеме деривационного функционирования слова, с другой – морфемоцентристским дериватологическим, а также синтактикоцентристским дериватологическим моделям, описывающим функционирование деривационного механизма языка. Поэтому в центре внимания настоящего исследования оказывается **слово** как источник и носитель потенций своего деривационного развития. В связи с этим осуществляется попытка описания принципов взаимодействия системных и функциональных факторов (детерминационных линий), определяющих процессы деривационного функционирования слова.

Теоретическая значимость. Настоящее исследование представляет собой описание одного из аспектов общей теории деривационной лексикологии русского языка, предметом которой является деривационное функционирование слова. В задачи деривационной лексикологии входит выяснение предпосылок и условий, необходимых для активного участия формально-семантических суппозиций в процессах порождения речи. Одной из таких предпосылок является внутрисистемное положение мотивата, формирующее потенциал его деривационного функционирования.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его данные могут быть использованы в преподавании курса «Современный русский язык (словообразование)» при разработке темы «Словообразовательный и лексикологический аспекты теории мотивации (функциональный и системный аспекты)», а также лабораторных занятий, посвященных данной теме, при построении спецкурса «Деривационное функционирование слова», в лексикографической практике (создание словаря степеней функциональной мотивированности русского слова).

В работе были использованы следующие **методы**: метод наблюдения, описательный метод, а также элементы компонентного анализа. С целью верификации исходных положений работы нами был проведен лингвистический эксперимент (анализу подверглось 1462 реакции), при обработке и интерпретации данных которого использовался метод естественной таксономии. В качестве вспомогательного средства нами был использован метод компьютерной обработки информации, полученной в ходе эксперимента.

Выбор **материала** исследования был обусловлен исходной гипотезой работы: в качестве материала выступали десять мотиватов, обладающие различной степенью мотивированности и, по нашему исходному предположению, имеющие различный потенциал деривационного функционирования. Необходимо сказать, что мотиваты, представляющие собой

материал исследования, принадлежат одной тематической группе: являются наименованиями лиц. Такой отбор был обусловлен возможностью взаимозаменяемости слов-стимулов в экспериментальных контекстах. Еще одним критерием отбора материала являлся критерий принадлежности слов-стимулов к определенной системно-структурной группе. Так, исследуемые нами слова входят в группы одноструктурных, однокорневых и синонимичных лексем (два последних критерия служили основанием для сравнения потенциала деривационного функционирования исследуемых слов-стимулов).

Апробация работы. Основные положения диссертационной работы обсуждались:

- на конференции молодых ученых (Барнаул, февраль 2001г);
- на межвузовском аспирантском семинаре (Барнаул, февраль 2002г);
- на дериватологических чтениях, посвященных памяти проф. М.Н. Янценецкой (Барнаул, июль 2002).
- на международной научной конференции «Языковая ситуация в России начала XXI века» (Кемерово, октябрь 2002).

Основные положения настоящей работы нашли отражение в четырех публикациях.

Глава 1. Внутренняя форма слова как многосторонний и внутренне противоречивый объект

Описанию свойств внутренней формы слова посвящено немало исследований в области различных лингвистических дисциплин: мотивологии (Блинова О.И., Михалева Е.В., Наумов В.Г.), синхронного словообразования (Земская Е.А., Янценецкая М.Н., Лопатин В.В., Милославский И.Г., Улуханов И.С.), ономазиологии (Торопцев И.С., Губанова В.А., Домогатская В.В., Габинская О.А., Малеева М.С., Колчин С.А. и др.), и проблемы, связанные с названным феноменом, представляются достаточно разработанными. Особенно детально описаны те стороны, которые оказываются связанными со структурно-семантическими аспектами ее существования. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем, что на протяжении продолжительного периода времени в лингвистической науке доминировал системно-статический принцип описания языковых явлений. ВФС в этом плане представлялась как элемент системы, и направления ее исследования были обусловлены представлением о языке как о замкнутой системе статического типа. Такие представления породили круг определенных проблем и вопросов, а также приемов и методов описания ВФС. Так, основными проблемами при синхронно-статическом описании являлись проблемы определения степеней членимости, мотивированности, идиоматичности, поиска направления мотивации и др., решение которых имело целью адекватное представление о внутрисистемном положении мотиватов.

Изменение научного подхода к языку, которое выразилось в росте внимания к функциональной стороне последнего, представления о его динамической природе, породило ряд новых вопросов. При названном подходе становятся актуальными проблемы, связанные с функционально-динамическим планом ВФС: проблема предназначения мотивировочного признака, выраженного во внутренней структуре слова, проблема его

функционального статуса. В качестве примера, иллюстрирующего названное утверждение, приведем следующие высказывания Н.Д. Голева, в которых постановка проблем, связанных с ВФС, переводится в функционально-динамическую плоскость. Например, первостепенными проблемами определения функций и предназначения мотивации оказываются следующие: «для чего нужен изоморфизм планов содержания и выражения?», «**кому и для чего нужно, чтобы одно слово мотивировало другое при образовании и было связано с ним в дальнейшем?** (выделено нами – К.Б.)» [Голев, 1989, с. 11].

Оба названных подхода представляются независимыми прежде всего в плане предмета исследования (исследуются различные стороны объекта), но независимость эта, на наш взгляд, является все-таки относительной. Относительна она потому, что выделенные стороны принадлежат целостному языковому феномену – внутренней форме слова, а целостность предполагает наличие определенного единства сторон, которое достигается путем снятия противоречий, складывающихся (возникающих) между ними. Например, стремление к статике, равно как и противоположно ему направленное стремление к динамике являются объективными сторонами такого целостного лингвистического объекта, как языко-речевая материя. Признание этого факта необходимо порождает вопрос о соотношении (взаимоотношении, взаимодействии) функционального и системного планов ВФС. Данный вопрос представляется достаточно сложным и неоднозначным, его неоднозначность обусловлена, с одной стороны, тем, что и в рамках названных подходов (структурно-семантического и функционального) при описании ВФС возникают определенные противоречия. Так, в определении ВФС, сформулированном О.И. Блиновой, – «внутренняя форма слова – это морфосемантическая структура, позволяющая объяснить связь его звучания (лексемы) и значения (семемы)» [Блинова, 1984, с. 184] – присутствуют два в каком-то смысле исключаящих друг друга плана: план, связывающий ВФС с

языковой системой, и план, связывающий ее с носителем языка. Безусловно, названные планы тесно между собой связаны, но все-таки они являются и относительно независимыми друг от друга, что в свою очередь вызывает необходимость поиска принципов их взаимодействия.

Вопрос о соотношении внутрисистемных и функциональных свойств мотиватов осложняется еще и тем, что проблема функционального статуса мотивационно-деривационной структуры слова остается до конца не решенной; чаще всего лингвистами признается, что в нормальных условиях при использовании готовых слов языка операции морфемного анализа и синтеза как при порождении, так и при восприятии речи избыточны. Например, А.А. Леонтьев считает, что «анализ слова говорящим или слушающим на морфемы и фонемы, осознание этих составных частей происходит лишь в том случае, **если протекание речевого процесса чем-то затруднено** (выделено нами – Б.К.)» [Основы теории..., 1974, с. 135], в остальных же случаях восприятие речи происходит пословно (ср. также «актуализация внутрисловных структур и их компонентов в речи в принципе возможна, **но использование такого типа актуализации для обеспечения понимания в нормальных условиях речевой деятельности неэффективно** (выделено нами – Б.К.)» [Уровни ..., 1986, с. 51]. В этой связи принципиальным для нашей работы представляется взгляд И.А. Бодуэна де Куртенэ, который считал, что процессы воспроизводства и производства являются равноправными в существовании и функционировании языка. «Языковое мышление, равно как и его обнаруживание и воспринимание, представляет из себя не простую репродукцию или воспроизведение усвоенного, вроде того, как это имеет место с фонографом и граммофоном, повторяющим с безукоризненной точностью нанесенные на него следы акустических «впечатлений», а вместе с репродукцией тоже продукцию или производство, состоящее в новом самостоятельном сочетании усвоенных индивидуальной психикой элементов языкового мышления. Это и есть постоянное, непрерывное «творчество»,

свойственное мобилизации языковых представлений в их совокупности, все равно, обнаруживаются ли они произносительным способом (ономасиологический аспект – Б.К.) и воспринимаются ли путем слуха (акустически) (семасиологический аспект – Б.К.), или нет. Происходит же это творчество не только в области синтаксиса, т.е. при сочетании готовых слов во фразы и предложения, **но тоже при сочетании морфем в слова»** (выделено нами – Б.К.) [Бодуэн ..., 1963, с. 281].³

Противоречивость и неоднозначность описанных выше проблем и подходов носит в целом, на наш взгляд, объективный характер и объясняется тем, что ВФС, будучи явлением языка, не может не впитать в себя тех общеязыковых противоречий, которые определяют его устройство, функционирование и развитие, напротив, вследствие этого некоторые проблемы приобретают по отношению к ней достаточно острый характер, например, нигде так остро не возникает вопрос о разграничении синхронии и диахронии, как возникает он при описании словообразовательной (в другом аспекте мотивационной) системы языка (ср. «в словообразовании до сих пор остается актуальной проблема различения синхронии и диахронии и обособления синхронной словообразовательной системы от системы диахронической» [Кубрякова, 1972, с. 379]). Хорошо также известен неоднозначный статус ВФС по отношению к таким общеязыковым антиномиям, как форма / содержание, синхронно-функциональное / генетическое, системное / функциональное, отражательное / условное и т.п.

Это в свою очередь необходимо вызывает поиски подходов, способных интегрировать различные проявления того или иного объекта, онтологических механизмов, устанавливающих баланс разнонаправленных детерминант. По нашему мнению, такие онтологические механизмы существуют и по своей

³ Добавим, что исследователь в этом плане признавал «насущность» народной (ложной) этимологии, определяя ее как семасиологическую ассоциацию: «а между тем семасиологическая ассоциация, или просто семасиологизация, является насущной потребностью каждого слова в его целом и в его морфологических элементах» [Бодуэн..., 1963, с.285].

природе они разнообразны; в одних случаях названные механизмы предстают как «некие функциональные принципы (слияние и образование новых качеств, баланс противодействующих сил, факультативная поочередная нейтрализация), в других – формируются особые промежуточные механизмы (системы) со своими единицами и правилами действия ...» [Очерки..., 1998, с. 6 – 7].

В связи с этим настоящее исследование, посвященное изучению проблемы взаимодействия внутрисистемных и функциональных свойств внутренней формы мотиватов, представляет собой, как мы уже отмечали, попытку выявления и описания механизмов их (свойств) взаимодействия.

1.1 Системное и функциональное в мотивационном плане лексических единиц

Вопрос о взаимодействии системного и функционального в мотивационном плане лексических единиц представляется достаточно сложным и неоднозначным. Неоднозначность его, как мы уже отмечали, обусловлена противоречивым статусом мотиватов по отношению к языку / речи, отражательному / коммуникативному, синхронно-функциональному / генетическому. Мотиват представляет собой результат некогда протекавшего деривационного процесса (в этом плане он связан с теми исходными суппозициями, которые принимали участие в его формировании), он элемент системы языка (представляет собой единицу, детерминированную другими единицами системы), и наконец, мотиват – самостоятельная, функционирующая единица, обусловленная параметрами коммуникативного порядка. Такая разноплановость неизбежно порождает противоречивые описания ВФС в названных выше аспектах, но данные стороны, как уже говорилось, являются проявлением единого и целостного языкового феномена, и этот факт обуславливает поиски принципов взаимодействия между

различными его сторонами и проявлениями. Таким поискам, на наш взгляд, должно предшествовать поаспектное рассмотрение проблемы, имеющее своей целью разноплановое и детальное описание различных сторон объекта, что способствовало бы выявлению специфики каждой из его сторон и максимальному учету их при построении целостной картины онтологии и функционирования мотиватов.

1.1.1 Концепции структурно-семантического описания внутренней формы слова

Традиционно степени членимости выделяются на основании того, «что не у всех слов имеется полная и регулярная соотносимость с другими словами на основе наличия у них общих корней и аффиксов» [Голев, 1989, с. 155]. Названный вопрос входит в круг проблем, посвященных морфемному анализу слова, который призван прежде всего выявить «морфемный состав слова, т.е. совокупность всех в синхронном плане выделяемых в слове морфем» [Потиха, 1970, с. 93].

Морфемный анализ как отдельная лингвистическая дисциплина выделился в связи с обсуждением вопроса о статусе слов с так называемой остаточной членимостью. В результате обсуждения названного вопроса выделились две относительно независимые концепции морфемного анализа.

Первая из них, восходящая к идеям Г.О. Винокура, основана на признании того, что морфемный анализ является производным от анализа словообразовательного. Например, В.И. Максимов, развивающий названную точку зрения, утверждает, что «только применение словообразовательного анализа придает убедительность рассуждениям о морфемном членении того или иного слова. Морфемное членение выступает в известном смысле как побочный продукт словообразовательного анализа» [Максимов, 1977, с. 45].

Такое признание в свою очередь базируется на том, что характер отношения слов по форме выводится из их отношений в содержательном плане, а этот факт выражается в том, что словообразовательная (а следовательно, и морфемная) структура слова оказывается принципиально выводимой из отношений лексических. Для иллюстрации данного положения вновь обратимся к работе В.И. Максимова. Так, нечленимый характер приставки -обез- в слове *обезболивание* определяется тем, что «в русском языке нет и не было слов «безболить»» [Максимов, 1977, с. 45]. Ср. также точку зрения, имеющую даже оценочный характер, приведенную в работе З.А. Потихи: «Не задумываясь над смысловой стороной слова, учащиеся часто механически рассекают слова, зрительно разыскивая знакомые морфемы. Такое членение приносит вред. Необходимо помнить, что зрительный образ слова часто обманчив. Например, подбирая однокоренные слова, мы убедимся, что бессмысленно выделять мнимую приставку вос- в глаголах восторгаться и восхищаться, за- в глаголе забыть, по- в глаголе победить. Если подобная бессмысленная⁴ акция будет совершена, то мы невольно сблизим совершенно разные слова современного языка: восторгаться – торговать, восхищаться – хищение, забыть – быть, победить - бедствовать»⁵ (выделено нами – Б.К.) [Потиха, 1970, с. 91-92].

Таким образом, основным критерием анализа в концепции Винокура выступает семантика (ср. «... значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ, а не прямое описание соответствующего предмета действительности, и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значения слов» [Винокур, 1959, с. 421], и такие основания анализа, как лексикоцентризм (словообразовательная

⁴ Если такая «акция» бессмысленна, то почему она регулярно повторяется в морфемном разборе тех же учащихся?

⁵ Иное членение данных слов представлено в «Словаре морфем русского языка» *о-без-бол-и-ть, вос-хищ-аться, по-бед-ить*, такое членение обусловлено иными принципами анализа [Кузнецова, Ефремова, 1985].

система производна от лексических отношений), основоцентризм (наличие / отсутствие той или иной основы в лексическом составе языка определяет характер членимости слова) представляются производными от содержательного критерия и являются формами его проявления. В результате такого подхода в разряд нечленимых попадают слова типа *буженина*, слова же типа *стеклярус* имеют нормальную членимость.

Другая концепция морфемного анализа, в основе которой лежат принципы, разработанные А.И. Смирницким, исходит из независимости формального плана, из его «несводимости» к факторам содержательного порядка. Поэтому при решении вопроса о членимости того или иного слова лингвист должен опираться прежде всего на систему (инвентарь) морфем языка. Последовательным развитием идей А.И. Смирницкого является концепция морфемного членения, представленная в «Словаре морфем русского языка». Основным критерием выделения морфемы в структуре слова в данной концепции является критерий ее формальной отождествляемости, семантика же при этом выступает в качестве своего рода «стоп-сигнала», запрещающего выделение той или иной морфемы (ср. «в основу исследования строения слова должен быть положен прежде всего формальный критерий, при котором фактор значения используется только эвристически, как источник догадок, или с целью уточнения» [Кузнецова, Ефремова, 1985, с. 10]. См. также [Кузнецова, 1977]).

В некоторых работах названные принципы (формоцентристский и семоцентристский) совмещаются. Так, М.Н. Янценецкая выделяет шкалу степеней членимости, основывая ее на типичности / уникальности семантики и формы как основы, так и аффикса.

Нужно отметить, что лингвисты пытались дать функциональное обоснование названным подходам. М.А. Михайлов свойство членимости напрямую связывает с характером протекания деривационных процессов [Михайлов, 1976], М.Н. Янценецкая связывает различные по признаку членимости типы слов с процессами порождения и восприятия речи.

Бесспорно, что названные онтологические параметры мотиватов определяют потенциал их функционирования, но все же концепции онтологической структуры слова, на наш взгляд, нуждаются в более глубоком функциональном обосновании, которое мы связываем с исследованием степени функциональности формальной и содержательной сторон слова, его генетических и синхронно-функциональных свойств. Исследованию этого вопроса посвящена следующая часть работы.

1.1.2 Концепции функционального описания внутренней формы слова

Интерес к функциональной стороне ВФС был и продолжает быть обусловленным факторами различного рода, среди которых можно выделить два основных: фактор онтологического порядка, связанный с «ощущением» лингвистами объективной значимости категории «функция», и фактор гносеологического плана, восходящий к смене научных парадигм (структурная парадигма на определенном этапе развития лингвистики уступила место парадигме функциональной). В этом отношении уже в недрах структурно-формального подхода формируется функциональный взгляд на явления деривационной системы языка. Так, А.А. Реформатский обосновывает правомерность членения слов типа *буженина* потенциальной возможностью остаточного элемента стать основой (аффиксом): «Если обрубок может жить морфологически благодаря какому-то своему до конца морфологизированному соседу (-тух благодаря пас-), то он не обрубок, а –оид (**потенциальный корень, суффикс**)» (выделено нами – К.Б.). Очевидно, что основанием того или иного членения слова в данном случае выступает критерий не структурно-семантический, но функциональный. В академическом издании «Русская грамматика» вводится понятие продуктивности словообразовательного типа.

Данное понятие несет в себе уже достаточно определенный функциональный смысл (в отличие от регулярности оно носит динамический характер: «продуктивность типа – это его способность служить образцом для производства новых слов» [Русская грамматика..., 1980, с. 137], поэтому две названные характеристики зачастую не совпадают друг с другом). Безусловно, что функционально-динамический характер носит и понятие способа словообразования (очевидно, что лексема *способ* маркирует именно план динамики языковой системы), хотя сами принципы описания способов словообразования, представленные в «Русской грамматике», входят в противоречие с функционально-динамическим содержанием этого понятия (отождествляются с типом средств⁶), что, безусловно, можно объяснить структурно-статической парадигмой, определяющей принципы описания явлений языка. Таким образом, функциональные параметры оказываются значимыми и при структурно-семантическом описании мотиватов, но их значимость носит своего рода скрытый, неэксплицируемый и в каком-то отношении вторичный характер.

Выдвижение на передний план функциональной стороны ВФС был связан с процессом динамизации предмета⁷ лингвистики. Обращение к динамическому аспекту языка, представление последнего как развивающейся и функционирующей системы определило тот факт, что в центре внимания исследователей оказалась категория функции (предназначения) того или иного явления языка, интерес к языку как к действующему механизму. В этом плане проблемы функционально-динамического плана встают по отношению к такой категории языка, как мотивация и, в частности, по отношению к мотивационному содержанию, выраженному во ВФС. Исследователей

⁶ Подробный анализ данной проблемы представлен в работе Н.Д. Голева «Логический анализ синхронной типологии русских словообразовательных формантов» [Голев, 1995]. См. также полемику П.А. Соболевой по этому вопросу с авторами «Русской грамматики» в ее работе «Моделирование словообразования» [Соболева, 1972].

⁷ Уже в недрах структурного подхода к языку формируется представление о языке как явлении динамического порядка. Так, С.К. Шаумян дает следующее определение структурной лингвистике: «структурная лингвистика есть наука о динамическом аспекте синхронии языка» [Шаумян, 1965, с.16]. См. также [Апресян, 1966].

начинает интересоваться ряд вопросов, связанных с функциональным статусом деривационно-мотивационной структуры слова, вопросы производимости лексических единиц в тексте, выяснение особенностей восприятия производного слова и т.п. В связи с этим выделяется несколько направлений в изучении названных проблем, которые базируются на различных к ним подходах, той или иной предметной области исследования (преимущественном внимании к какому-либо процессу, явлению).

Первое из них связано с активизацией исследований в области русской ономазиологии [Торопцев, 1980; Габинская, 1981; Губанова, 1974; Домогатская, 1975] и др., с исследованием причин и характера процессов номинации в языке. ВФС в данных концепциях рассматривается в результативном аспекте, она предстает прежде всего как результат ономазиологической деятельности говорящего. Такое представление, по нашему мнению, связано с вниманием исследователей прежде всего к абсолютному плану мотивации,⁸ в котором акцентируется ее обусловленность факторами внеязыкового (отражательного) порядка. В этом плане мотивационное содержание, выраженное в ВФС, является одним из результативных аспектов познания предмета, подлежащего наименованию.

Второе направление связано с актуализацией и выдвижением на передний план исследований функционально-динамического характера в области русского словообразования. Мы уже отмечали, что длительный период времени описание словообразовательной системы находилось под воздействием статических представлений о языке, что в принципе в какой-то степени снимало вопрос о предназначении последней, о ее связях с процессами порождения речи; напротив, в концепциях функционального словообразования названные проблемы находятся в центре внимания лингвистов. ВФС, как и в ономазиологических концепциях, предстает как результат деривационного

⁸ Понятия абсолютного и относительного планов мотивации введены Ф. де Соссюром и получили свое развитие в работах Н.Д. Голева. Первый из них формируется и вытекает из взаимодействия означаемого и означающего (в другом отношении внеязыкового), второй – из отношений между знаками.

процесса (результативный аспект). В связи с этим словообразование оказывается тесно связанным с вышестоящими уровнями, в частности, с синтаксисом, из этого факта следует, что «проблема мотивированности языкового знака стоит в связи с разработкой не только ряда важных аспектов словообразования, но и, в конечном счете, с синтаксисом, поскольку словообразовательные модели могут выступать как элементы синтаксических конструкций – элементы средств синтаксического конструирования» [Беляева Н.А. Павлова В.М., 1976, с. 136], а «синтаксичность» словообразовательных процессов есть универсальное, фундаментальное свойство, определяющее характер и типологию словообразовательных процессов и ... структуру производных слов» [Сахарный Л.В., 1977, с. 27], дериват же в этом плане представляет собой свернутую синтаксическую пропозицию, см. также [Гинзбург, 1979]. Процесс образования нового слова может быть рассмотрен как результат преобразования некоего словосочетания / предложения в слово: «при подобном подходе новое слово предстает перед нами не как результат «прибавления» аффикса к производящей основе, а как результат некоторого структурного преобразования одной формы наименования (в данном случае - словосочетания реального или потенциального) в другую, более компактную, синонимическую ей форму наименования (слово-универб)» [Сахарный, 1977, с.28]. В результате такого подхода основное внимание лингвистов было сосредоточено на исследовании новообразований.

Описанные выше концепции роднит, с одной стороны, преимущественное внимание к отражательной стороне мотивационного содержания, с другой – обращение к определенному материалу исследования: в сферу исследования, как правило, вовлекаются новообразования⁹ и процессы, связанные с их созданием.

⁹ Если это и не так, то, как правило, онтологические характеристики готовых слов, условия актуализации мотивировочного признака в таких словах не оговариваются. Так, например, признавая, что семантическая структура производного слова представляет собой многоярусное образование (выделяются высший ярус, связывающий слово с внеязыковой действительностью, низшие, связанные с контекстом современного словоупотребления и контекстом пассивного языкового знания), авторы статьи утверждают, что «каждый ярус

Иная концепция, пытающаяся обосновать функциональность словообразования, связана с признанием в качестве ведущей конструктивной его функции. Такая точка зрения восходит к концепции Е. Куриловича [Курилович, 1962], который разграничивал деривацию лексическую и деривацию синтаксическую, и в ее основе лежит признание факта связи словообразовательных процессов прежде всего с тем, что слово способно попадать в различные синтаксические позиции; именно такие процессы и обслуживаются словообразованием. Названный подход получил свое представление прежде всего в работах генеративного направления в языкознании [Шаумян, 1965; Соболева, 1972; Волоцкая, 1960]. Хотя данный подход носит моделирующий характер, и порождение понимается представителями этого направления в специально математическом смысле, но за таким представлением в конечном итоге стоит описание компетенции носителей языка (по крайней мере, такое соотношение является одной из возможных интерпретаций формальных моделей подобного рода. См. [Хомский, 1972]).

Остановимся на более подробной характеристике названного подхода в отношении порождения мотиватов. Основные положения, как нам думается, могут быть сформулированы в двух следующих утверждениях:

1. Генеративное направление признает, что процессы порождения слов и синтаксических конструкций изоморфны друг другу. «Процессы словообразования и формообразования объясняются в модели (имеется в виду аппликативная модель – К.Б.) в тесной связи с синтаксическими структурами: порождение слов и порождение предложений показаны как две части единого лингвистического порождающего процесса» [Глейбман, 1972, с. 213]. Действительно, в работе С.К. Шаумяна генератор порождения слов и генератор

обеспечивается в языковой способности соответствующими эталонами: верхний – основными эталонами, последующие – морфемными эталонами, соотносимыми с продуктивными в современном языкоупотреблении морфемами и соотносимыми с непродуктивными в современном языкоупотреблении морфемами» [Шахнарович; Гараева, 1995, с. 9]. При этом они признают, что стратегия восприятия производного, остановка на том или ином ярусе определяется рядом причин, описание которых не является предметом их исследования.

порождения фраз имеют одинаковую структуру и при порождении как одних, так и других используются одни и те же операции.

2. Постулируется принцип выводимости¹⁰ производных единиц из единиц более низкого ранга. «Производные единицы словообразовательного уровня устанавливаются таким образом, чтобы каждая единица более высокого ранга включала единицы предшествующего ранга» [Соболева, 1972, с. 202].

Нужно отметить, что при всей ориентации на моделирование реальных процессов порождения производных не учитывается фактор онтологического порядка. Так, в работе С.К. Шаумяна описывается процесс порождения слов по морфемам из базовых корневых элементов. Но вопрос о том, возможно ли такое порождение в отношении любого слова (ср. *стол-ов-ая, при-спич-и-ть*) остается открытым. В работе Е.В. Глейбмана в один ряд ставится порождение таких слов, как *беглый* и *приходить*, явно имеющих различный внутрисистемный статус.

Данные принципы (изоморфности и выводимости) взаимопредполагают друг друга (если изоморфно, то выводимо) и оказываются принципиальными в том отношении, что вскрывают, как нам думается, отражательную природу мотивации (ср.: «идея истинности мотивации находит свое косвенное отражение в словообразовании. Так, дериватологи высказывают мнение, что условность внутренней формы вторична, она появляется в результате развития значения слова, изначально же в его «номинационной» структуре отражается уровень знания человеком соответствующих явлений» [Голев, 1989, с. 104]).

Названные принципы получили свое развитие и в дальнейшем. Так, в работе З.И. Резановой «Функциональный аспект словообразования (русское производное имя)» признается изначальная синтаксичность новообразований – изоморфность их семантики и словообразовательной формы синтаксическим

¹⁰ Принцип выводимости постулируется уже в работах Г.О. Винокура, ср. приведенную выше цитату о том, что значение производного слова всегда определимо посредством ссылки на значение производящего. По нашему мнению, за таким утверждением скрывается тезис о возможности восприятию производного слова по морфемам.

пропозициональным структурам. В процессе узуализации «производное имя «вбирает в себя» все контексты употребления, переживает процесс смыслового насыщения, приводящего к забвению внутренней формы слова» [Резанова, 1996, с. 141]. Возможность же «расчлененного» функционирования вошедшего в словарь производного слова, при котором актуализируются его словообразовательная структура и значение, обуславливается возможностью совпадения пропозициональной структуры высказывания с семантической структурой производного, выраженной в его словообразовательной форме. «Противопоставленность генетической синтаксичности и синхронной номинативности снимается, если текстово актуальной является событийная, семантически расчлененная по пропозициональному принципу информация, т.е. та семантика, которая формально выражена с помощью словообразовательных элементов. В таких употреблениях использование синхронно производной номинативной единицы рождается как ответ на пропозициональную семантику. При этом производное слово как бы заново создается, выступая как одно из средств синтаксической синонимии. Такое функционирование производного лексического деривата легко выявляется в методиках трансформационного анализа, дериват в высказывании замещается **синтаксической конструкцией более или менее изоморфной прототипической пропозициональной структуре, лежащей в основе словообразовательного значения** (выделено нами – Б.К.)» [Резанова, 1996, с. 141]. В работе А.М. Шахнарвича и Л.И. Гараевой «Порождение и восприятие производного слова» утверждается, что структура производного слова является изоморфной синтаксической структуре. «Общность синтаксической структуры и структуры производного слова в синхронном плане состоит не в том, что второе возникает из первой, а в том, что и первой, и второму предшествует процесс семантического анализа ситуации, что и первая, и второе сохраняют следы этого анализа, отражая и представляя действительность расчлененно. Подобно тому, как синтаксическая структура в большинстве случаев в отличие

от просто лексем представляет собой организованную по определенным законам связь нескольких однозначных языковых единиц, а содержанием любой синтаксической единицы является сложное понятие, производное в большинстве случаев представляет собой организованную по определенным законам связь нескольких (но не менее двух) единиц, каждая из которых обладает... своим собственным значением, а содержанием любого производного слова является сложное понятие, представленное в этой единице расчлененно: **морфологическая структура производного является целостным отображением структуры ситуации, как ее представляет себе говорящий** (выделено нами – Б.К.)» [Шахнарович; Гараева, 1995, с. 4 – 5]. Таким образом, изоморфность производного слова синтаксической структуре порождает расчлененное восприятие мотивата, что предполагает выводимость его значения из морфологической структуры (основы и аффикса).

Своеобразным пределом развития принципа «выводимости» является признание в качестве мотивированных / производных слов только таких, «значение которых выводится однозначно и стандартно из значений морфем, составляющих эти слова» [Волоцкая, 1960, с.100]. В собственно функциональном аспекте данный принцип предполагает невозможность производимости неидиоматических дериватов в речи. Так, по мнению М.Д. Степановой, «идиоматичные сложные слова в большинстве случаев представляют собой лексические единицы, прочно вошедшие в словарный состав языка и используемые в потоке речи наравне с другими общепризнанными словами; неидиоматичные обычно создаются в процессе речи так же, как любое свободное соединение (принцип изоморфности – Б.К.), хотя и по другому образцу, при использовании других законов и средств» (цит. по [Лейзерсон, 1969, с. 62]), «идиоматичность – это такая характеристика единицы, которая делает невозможным представление о ее конструировании в момент речи» [Михайлов, 1989, с. 22].

Подобная концепция в несколько ином аспекте развивается в работах Е.С. Кубряковой, которая признает, что слово, помимо того что является единицей номинативной, «выступает для нас и как представитель правила обращения с ним и вполне определенной стратегии его включения в линейную синтаксическую конструкцию (простые и производные слова вводятся в предложение нетождественным образом)» [Человеческий фактор..., 1991, с. 104]. В связи с этим в словарном составе можно выделить две группы: готовые слова, которые в человеческом лексиконе хранятся списком (они воспроизводимы и «всплывают из глубин сознания именно как отдельное слово, т.е. не посредством предварительной сборки» [Кубрякова, 1984, с. 17 – 18]), и производные слова, которые задаются правилами конструирования (производятся на базе каких-либо других слов). Причем мотивированными (в отличие от концепции З.М. Волоцкой) признаются и идиоматичные дериваты, и такие (идиоматичные) дериваты (в отличие от концепции М.Д. Степановой) могут также порождаться, задаваться правилами конструирования из базовых слов языка.

В этом отношении «функционирование словообразования тесно связано с речевыми стратегиями говорящих и тактикой их обращения с единицами номинации. Словообразование как система должно быть организовано так, чтобы облегчить доступ к информации для говорящего, упорядочить способы накопления и хранения информации, упростить извлечение слова из памяти и, наконец, обеспечить возможность простого создания новых единиц номинации и их незатрудненного восприятия» [Кубрякова Е.С., 1984, с.21]. Причем создание нового слова происходит на базе известных говорящему словообразовательных моделей или лексических образцов, по аналогии с которыми он строит нечто новое.

Хотя в данной концепции система словообразования признается в качестве определенного механизма, обслуживающего процессы коммуникации, и роль внутриязыковых факторов в ее организации и функционировании

повышается (словообразовательная система предстает как своего рода техническое средство языка), роль абсолютного плана мотивации, который связан с выводимостью значения мотивата из его структуры, оказывается, на наш взгляд, ведущей и в этой концепции. Этот факт заключается в следующем:

Во-первых, признается, что условием для производимости того или иного слова является наличие стандартного правила: производимыми могут быть те слова, которые содержат в своей структуре высокопродуктивные аффиксальные морфемы. Так, пытаясь дать описание внутреннему лексикону человека, Е.С. Кубрякова отмечает, «что наряду со словами в памяти человека хранятся и эти минимальные языковые знаки (морфемы – К.Б.) и что по мере надобности они тоже всплывают на поверхность сознания, хотя, возможно, и при более специализированных условиях, нежели слова. Думается, таким образом, что общая стратификация лексикона предусматривает на глубине разные слои морфем, из которых ближе всего к поверхности словоизменяемые морфемы и самые продуктивные словообразовательные аффиксы и что их запись в лексиконе ближе всего к записи вместе с правилами, в составе схемы действия с данной морфемой» [Человеческий фактор..., 1991, с. 130]. Данные утверждения в каком-то отношении не выходят за рамки правил производимости (мотивированности), установленных З.М. Волоцкой.

Во-вторых, говоря о способности идиоматичных дериватов к порождению, Е.С. Кубрякова утверждает, что «привычные связи исходного слова и их отражение в семантике производного составляют важную особенность смысловой структуры дериватов. Ее изучение заставляет предположить, что набор тех семантических компонентов, которые не находят отражения в морфологической структуре слова, не безграничен. Он определяется теми исходными ассоциациями, которые существуют у говорящего в связи с мотивирующим словом и которое определяют выбор данного слова в качестве источника (базы) нового наименования» [Земская, Кубрякова, 1978, с. 120]. Таким образом, мотивированными / производными

единицами все же признаются такие единицы, в которых «форма согласуется с содержанием, и внутренняя организация становится ключом к их семантическому прочтению» [Кубрякова, 1982, с. 13] (идиоматичность производного слова является результатом ассоциаций, связанных с производящим, а следовательно, производное выводимо из семантических ассоциативных компонентов структуры производящего). Мотивационное содержание в представленном выше аспекте оказывается тождественным содержательному плану слова, факт совпадения обоих планов (выводимость одного из другого) вытекает из признания гносеологической сущности мотивировочного признака, это поддерживается и самой моделью, где мотивирующая база представляет собой переменную величину.

Таким образом, функциональные концепции мотивации оказываются ориентированными по преимуществу на ее гносеологическую функцию (в различных вариантах ее языковой опосредованности, так, например, выведение слова из синтаксической конструкции предполагает уже некоторую степень опосредованности, т.к. предложение не тождественно суждению), что воплощается в моделях различного рода (выводимость из познавательной деятельности субъекта – ономаσιологическая модель, выводимость (или изоморфность) из единиц вышестоящего уровня – синтаксические модели, выводимость из единиц нижестоящего уровня – морфемоцентристские дериватологические модели), коммуникативное же ее предназначение остается, на наш взгляд, практически не раскрытым.

Представленный выше обзор концепций структурно-семантического и функционального описания ВФС достаточно наглядно позволил выделить тот круг проблем, без решения которых невозможно адекватное описание взаимодействия структурно-системных и функциональных факторов, обуславливающих существование ВФС. Данные проблемы, как мы постарались показать, оказываются тесно связанными с противоречивым и неоднозначным ее статусом по отношению к таким антиномиям, как система /

функционирование, отражательное / коммуникативное и т.п. Как мы уже отмечали, мотиват представляет собой результат некогда протекавшего деривационного процесса (в этом плане он связан с теми исходными суппозициями, которые принимали участие в его формировании (генетико-отражательный план), он элемент системы языка (представляет собой единицу, детерминированную другими единицами системы – план опосредованности, языковой условности), и наконец, мотиват – самостоятельная, функционирующая единица, обусловленная параметрами коммуникативного порядка, которые в свою очередь опять-таки формируются под воздействием названных противоречий. Энергетика, заложенная в названных антиномиях, формирует как системные, так и функциональные свойства мотиватов. Так, например, условность мотивировочного признака (в структурно-семантическом аспекте она представляет своего рода обратную величину степени мотивированности) является предпосылкой для отвлечения от ВФС в процессе функционирования мотивата, способствует развитию в нем смысловых приращений, но такая условность есть результат языкового преобразования непосредственного (мыслительного, отражательного), что, с другой стороны, создает предпосылку для актуализации мотивационного плана лексических единиц, в частности в генетико-отражательном его варианте. Сказанное делает необходимым исследование ВФС с точки зрения воплощения в ней диалектики отражательного / коммуникативного, генетического / синхронно-функционального, формы / содержания.

1.2 Отражательное и коммуникативное в мотивационном плане лексических единиц

Антиномия отражательное / коммуникативное (условное) оказывается тесно связанной с антиномией язык / носитель языка. Нужно отметить, что в

настоящее время общепризнанным является тот факт, что «генератором» детерминационной активности в языковой сфере является именно носитель языка. Этот факт связан с «активизацией в последнее время антропологистики в разных ее видах и разновидностях; в результате сейчас создается представление о том, что «антропос» - едва ли не единственный или, по крайней мере, решающий фактор языкового существования» [Очерки..., 1998, с. 8]. Не является случайной поэтому связь антропоцентристских точек зрения на язык с вниманием к его отражательной стороне. Последний при таком подходе «представляет собой отражение действительности, являясь формой существования общественно-исторического опыта человечества» [Леонтьев, 1965, с. 19], и «законы организации языка отражают реально существующие связи вещей и явлений» [Колшанский, 1975, с. 62] (план статистики), при этом «языковая (речевая) деятельность есть форма проявления вообще деятельности человека, **прежде всего познавательной** (выделено нами – Б.К.)» (динамический план) [Колшанский, 1975, с. 24]. Подобный взгляд распространяется и на частные явления и языковые процессы, например, сущность глагольного управления заключается в отражении им вещных отношений. Так, анализируя характер управления в конструкциях *я читаю книгу* и *книга лежит на столе*, Г.В. Колшанский приходит к выводу о том, что «факт наличия в этих примерах двух конструкций, маркированных указанными формами, есть прежде всего свидетельство различия реальных процессов и явлений (чтение, нахождение, книга), которые, естественно, присущи не языку и не его категориям (в частности глаголу с предлогом, глаголу с прямым объектом), а объективным явлениям». И далее: «На первый взгляд может показаться, что глагол управляет именем, на самом же деле сущность данных категорий для определенного языка заключается не в этой поверхностной констатации (здесь нам хотелось бы поставить акцент на слове *поверхностный*, т.к. оно со всей определенностью маркирует гносеологически ориентированный подход исследователя – Б.К.), а в том, что за пределами

формы различие двух процессов объективно необходимо для функционирования языка и, следовательно, предопределено вещными отношениями как проявление в двух разных конструкциях» [Колшанский, 1975, с. 59]¹¹. Продолжая логику изложения, отметим, что процессы порождения текста при таком подходе описываются как подчиненные мотивам, намерениям говорящего (отражают его интенции), и наконец, явление номинации предстает как процесс и результат познания какого-либо объекта, вследствие этого мотивировочный признак рассматривается как категория отражательного порядка. В связи с этим интересным представляется следующее утверждение, в котором проблема самого выбора того или иного мотивировочного признака не подлежит компетенции лингвистической науки: «Выяснение причин выбора разных признаков при создании звуковых оболочек слов в различных языках мира скорее является компетенцией **физиологии и психологии, а не лингвистической науки**. Окружающий мир различными людьми воспринимается не совсем одинаково (выделено нами – Б.К.)» [Языковая номинация... 1977, с. 167].

Таким образом, в аспекте предназначения мотивация предстает, как правило, категорией отражательного порядка, и основная ее функция заключается в отражении результатов познавательной деятельности субъекта (языкового коллектива). Приведем несколько цитат из литературы, которые наглядно иллюстрируют настоящее положение: «основным отличием процесса обозначения языковыми знаками является то, что он сопряжен с отражающей деятельностью человека, с обобщением и выделением необходимого и существенного, с образованием понятия и других мыслительных форм» [Языковая номинация..., 1977, с. 19], «явления объективной действительности, новые научные достижения и открытия, породившие новые предметы, явления,

¹¹ Нужно отметить, что к проблеме управления (в частности в определении падежа) существует и иной подход, который связан с признанием падежа категорией синтаксического типа [см. Зализняк, 1967], и в этом плане именно глагол управляет именем (это является глубинным внутриязыковым фактом), а за процессами управления может и не стоять отражение реальных отношении между реальными процессами и предметами, ср. *управлять заводом* и. *восхищаться картиной*..

события, действия и т.п., побуждают человеческий мозг к отражению их, к созданию понятия о них, созданию обобщенного идеального содержания, которое должно найти отражение в языке сначала в синтаксической объективации, а в итоге должна произойти лексическая объективация, процесс закрепления нового значения в звуковой оболочке» [Домогатская, 1975, с. 195], имеется в виду функционально-динамический аспект. ВФС отражает социально значимые связи вещей и явлений, так, мотивационные зависимости соответствуют взгляду человека на предметы, явления окружающего мира, на их связи и отношения (системно-статический аспект) [Янценецкая, 1991, с.65]. Если последовательно развивать данную точку зрения, то вполне справедливым окажется трактовка номинаций типа *лес шумит* (имеется в виду метафоризация предиката) как искажающих реальную действительность [Ейгер, 1990].

Данные представления широко представлены в современной ономазиологии. При их проекции в сферу речевой деятельности возникают, как правило, рациональные (несомненно, что рациональность связана с отражением) концепции речевой мотивации. Наиболее последовательно названная концепция представлена в ономазиологических работах И.И. Торопцева. Кратко охарактеризуем основные положения названной концепции: встреча с объектом, обнаружение признака, который способен выделить предмет из ряда других (этот признак выполняет дифференцирующую / различительную функцию, он и является мотивировочным), поиск адекватной формы его выражения. При таком подходе, по мнению Н.Д. Голева [Голев, 1989, с. 57 – 61], акцентируется новизна формы выражаемого содержания, и новизна формы в этом плане обусловлена новизной выражаемого идеального содержания. Близки в этом отношении описанные выше концепции функционального словообразования, в которых мотивирующая база – носитель мотивировочного признака – выступает в качестве дифференцирующего компонента словообразовательной модели. Отсюда следует, что процесс словообразования тесно связан с

мыслительными процессами. Неслучайно поэтому основная, по крайней мере, ведущая функция словообразования – пополнение словарного состава языка. Так, специфика словообразования, автономность его статуса объясняется тем, что из всех лингвистических подсистем «оно одно специально предназначено для **осуществления номинативной деятельности человека – для образования новых понятий** (выделено нами – Б.К.) и его ядерной функцией, безусловно, является номинативная... Словообразовательный механизм является одним из поставщиков номинативных единиц в системе языка» [Резанова, 1994, с. 117], производное же слово создается «для наименования какой-то реалии, часто новой, или для переименования старой – предмета, действия, признака» [Земская, 1992, с.8]; (ср. также: «слова, рождаемые на наших глазах, отражают определенное восприятие действительности человеком, социальную и индивидуальную оценку явлений жизни» [Земская, 1992, с. 201]).

При таком подходе часто встает вопрос о существенности выражаемого мотивировочным признаком содержания, причем существенность рассматривается относительно предмета наименования либо понятия, сформированного (формирующегося) о таком предмете, о его репрезентативности относительно понятия / предмета. Так, в работе В.А. Губановой утверждается, что «каждое понятие состоит из совокупности нескольких признаков, одни из которых являются наиболее важными, наиболее значимыми, определяющими суть данного понятия, а другие – менее значимыми, менее существенными», и в этом отношении «мотивировочный признак может быть как существенным, так и не существенным для данного понятия» [Губанова, 1974, с. 114] (ср. также: «любой **предмет** характеризуется множеством **признаков**, их невозможно, да и практически не нужно выделять все в процессе наименования, и предмет называется по какому-либо одному или нескольким **бросающимся в глаза признакам**, которые репрезентируют весь предмет (выделено нами – Б.К.)» [Гак, 1972, с. 47]).

Данное представление, безусловно, описывает важную сторону мотивировочного признака, но представляется нам несколько односторонним. Если учесть, что противовесом отражательному является коммуникативное начало, то номинации типа *лес шумит, часы идут* и т.п. становятся вполне объяснимыми и даже закономерными. При таком подходе они предстают как проявления условно-технической стороны языка, для которой характерны свои механизмы и которая обладает своими детерминирующими потенциями. Эта сторона предполагает прежде всего название предмета, саму возможность выделения его из других предметов, но не перечисление его существенных признаков. При этом отражательные компоненты являются генетическим субстратом, своего рода условной точкой отсчета наименования. «Способность мотивировочного признака быть информативным, «бросаться в глаза», отражать социальные условия в момент наречения и т.п. – не является в строгом смысле ни причиной, ни целью мотивировки, но только условием, фактором, предпосылкой, наконец, суппозицией, становящейся мотивом при ориентации понятия на выражение» [Голев, 1989, с. 68]. При таком подходе на передний план выдвигаются внутриязыковые механизмы номинации и сами типы номинации предстают как относительно условная подсистема языка. Хотя такая самостоятельность и независимость коммуникативного кажется периферийной (в языке все же преобладают информативные имена, и это понятно, т.к. язык и сознание, речь и мышление движутся к структурному и функциональному изоморфизму), однако на глубинном уровне план условности присутствует всегда.

Гносеологически ориентированная концепция номинации, сводящая сущность номинативного процесса к категориям мыслительного порядка, концепция «бросающихся в глаза признаков», на наш взгляд, имеет и коммуникативную сторону. В этом плане «бросающийся в глаза признак» (равно как и отражение существенных свойств предмета) – это такой признак, который значим прежде всего коммуникативно и существенен именно с точки

зрения коммуникации, простого названия, осуществляемого на фоне коммуникативно значимой системы мотивом русского языка. «Если в Верхнем Приднепровье реки чаще всего называются по деревьям, то этот факт лишь весьма косвенно говорит о чрезмерном количестве того или иного вида деревьев по берегам рек данного региона; вряд ли на этом основании можно утверждать, что их здесь больше, чем в других регионах, где данная мотивема не столь продуктивна», в связи с этим языковая «правильность имени в подобных случаях не менее значима, чем правильность отражения в имени существенных свойств объекта». Таким образом, коммуникативная правильность, существенность – это правильность не по отношению к предмету, мышлению, а по отношению к языку и «языковая действительность объективирует выбор мотивировочного признака, подчиняет его своим задачам» [Голев, 1989, с. 89].

Два названных плана объективно присутствуют в мотивировочном признаке и в ВФС и находятся между собой в достаточно противоречивых отношениях. Отражательное, безусловно, представляет собой необходимый (ср. языкоречевая материя «есть (ко всему прочему!) частное проявление творческого характера деятельности человека как субъекта, преодолевающего энтропические тенденции своего природного бытия во всех видах деятельности, в том числе и коммуникативной» [Очерки..., 1998, с. 9 – 10]) и активный фактор, влияющий на становление и формирование языка / речи, но отражаемое полностью не сливается с ними, оно преобразуется, приспособливается, и ему вследствие этого сообщается иная (знаковая) форма движения, которая уже отличается от той формы движения, в которой осуществляется само отражаемое (ср.: «никто из людей не может передать в непосредственном виде свои ощущения тепла, холода и т.п., не прибегая к обозначению содержания каждого из этих отображений средствами языка, жеста и т.п., с тем, чтобы эти знаки **в иных формах движения, нежели форма движения самого отображения** достигли адресата и были восприняты им

(выделено нами – Б.К.)» [Украинцев, 1972, с. 48]. При таком подходе центральным становится тезис В. фон Гумбольдта о том, что номинация – это результат того, как предмет был осмыслен **речетворческим** актом. Естественно, речетворческий акт представляет собой результат сложного взаимодействия разнонаправленных детерминант – внутриязыковых и внешних по отношению к языку. Нужно отметить, что В. фон Гумбольдт глубоко описал диалектику взаимодействия внешнего и внутриязыкового. Достаточно вспомнить следующие его высказывания: «Мыслительная сила нуждается в чем-то равном ей и все же отличном от нее» [Гумбольдт, 1984, с. 77]. «Язык и чужд душе, и принадлежит ей, он зависим от не и одновременно независим... Как раз насколько язык объективно действителен и самостоятелен, настолько он субъективно пассивен и зависим» [Гумбольдт, 1984, с. 83].

Описанный выше тип отношений порождает эффекты самодетерминации и обратной связи. Эффект самодетерминации выражается в автоматизме реализации коммуникативных программ, саморегулятивных процессах внутри языковой системы и т.п. Эффект же обратной связи, по крайней мере, на поверхностном уровне выражается, на наш взгляд, в своеобразном доверии носителей языка к языковым формам, которое обусловлено тем, что «наше самочувствие вопреки доказательствам рассудка не примиряется с безусловной знаковостью языка, по крайней мере, по отношению к языку родному» [Аветян, 1976, с. 11]) и выражается, например, в фактах отождествления слова со свойствами вещи¹². По нашему мнению, это свидетельствует о том, что язык представляет собой особый (знаковый) тип реальности, обладающий внутренней целостностью, относительной устойчивостью и выделенностью из окружающей среды.

¹² Факт отождествления содержания мотивировочного признака и свойства вещи приведен в работе Н.Д. Голева. «Одна моя сослуживица уже несколько лет безуспешно пытается разменять прекрасную квартиру. Как только она называет по телефону свой адрес, люди бросают трубку: она живет на задворной улице». Этот пример, как считает Н.Д. Голев, свидетельствует о «своеобразной «доверчивости» к этимологии, побуждающей к преобразованию произвольных ассоциаций в логические умозаключения» [Голев, 1989, с. 110].

Остановимся на характеристике антиномии система / функционирование в ее связи с антиномией отражательное / коммуникативное. Прежде всего нужно отметить, что функциональная программа слова тесно связана с мыслительными, прагматическими, семантическими, контекстуальными условиями коммуникативного задания¹³. Зачастую названные условия противоречат системно-структурной организации языка (план максимальной опосредованности, условности), которая является не менее мощным источником порождающей энергетики. В этом плане члены антиномии должны стремиться к установлению динамического равновесия (баланса детерминант), и центробежные тенденции не должны превышать определенного порога, за которым коммуникация не будет эффективной¹⁴. Факторы функционального порядка прежде всего связаны с речемыслительной деятельностью, и в этом плане они более динамичны, так как стремятся к изоморфизму с коммуникативным заданием, а через него и с внеязыковым содержанием. Внутрисистемные факторы на этом фоне более «консервативны», они являются в генетическом аспекте продуктом языкотворческой¹⁵ деятельности, деятельности слушающего, в функциональном же отношении они выступают как детерминанты, ориентирующие говорящего на адресата, и в этом плане они выступают как ограничивающие. Скажем, возможность ретроспективной деривации вытекает прежде всего из коммуникативной в ней потребности, но вряд ли можно с достаточной уверенностью говорить о том, что обратное

¹³ Мы намеренно расположили эти условия именно в таком порядке, этот порядок отражает степени опосредованности связи языкового с внешним, отражательным. В очерченном нами аспекте это движение является движением в сторону усиления элементов условности. Скажем, мыслительное должно адаптироваться (приспособиться) к семантическим категориям языка, которые уже не только суть отражательные, но и внутриязыковые [см. Очерки..., 1998, с. 3].

¹⁴ Например, несоблюдение грамматического согласования хотя и затрудняет восприятие производимого текста, но все же не препятствует ему полностью, т.к. тенденции к аналицизму заложены в системе русского языка. См. [Милославский, 1981].

¹⁵ Понятия речемыслительной и языкотворческой деятельности введены Л.Н. Засориной [Засорина, 1973]. Продуктом речемыслительной деятельности являются текст, сообщение, связывающие человека с окружающей действительностью, такая деятельность связана с процессами экспликации (развертывания) высказывания. Продуктом же языкотворческой деятельности является система языка; она связана с процессами импликации (свертывания) высказывания, с преобразованием речевого сообщения в элементы системы.

словообразование занимает центральное положение в деривационной системе русского языка.

Своеобразным снятием данного противоречия является формирование промежуточной лексико-мотивационной¹⁶ подсистемы в языке, которая предстает как промежуточная в том смысле, что сочетает в себе различные принципы организации: она организована по принципу формальной общности и наличию детерминативных отношений (морфодеривационная подсистема), а также по семантическим, функциональным параметрам (лексическая система). Источники же формирования лексико-мотивационной подсистемы, на наш взгляд, восходят к факторам функционального порядка, которые определяются тем, что слово способно попадать в различные семантико-синтаксические позиции. При этом фактор большей формальной сложности, являющийся ведущим для организации морфодеривационной системы языка, уходит на второй план. Заполнение позиций, связанное с определенным коммуникативным заданием, в принципе не предполагает формальной сложности мотивата, так как данные позиции (прагматика и семантика, их формирующие) достаточно разнообразны, в каком-то отношении неисчислимы и предполагают различного рода отношения мотиватов в тексте, где принцип осложнения является частным. Безусловно, подобные отношения всегда находятся на фоне воздействия системно-структурных факторов детерминации, для которых принцип формальной сложности (осложненности) является решающим. В этом плане отношение *доярка* – *дойр* начинают восприниматься как принадлежащие типу (в функциональном аспекте модели) модификата со значением «женскости».

Еще одним источником (имеющим внутрисистемный статус) формирования условного плана мотиватов как в системном, так и в функциональном аспектах является неразрывная связь лексической деривации с деривацией формообразовательной. Как известно, границы между слово - и

¹⁶ Термин заимствован из работы Н.Д. Голева [Голев, 1989].

формообразованием постоянно открыты [Виноградов, 1975]: проблемы квалификации видовых пар, степеней сравнения прилагательных, причастий, деепричастий, форм множественного числа имени существительного и т.п. как форм одного и того же слова либо как различных лексем, связанных между собой словообразовательными отношениями, представляются актуальными и в настоящее время. В этом плане морфо-деривационные структуры постоянно стремятся к иному типу организации, который близок к организации грамматической подсистемы языка. Названный тип организации носит радиальный характер: все члены грамматической парадигмы в равной мере восходят к одной форме; за таким принципом структурирования стоят прежде всего различные функциональные характеристики, которые «обнаруживаются на шкалах обязательности, регулярности, наличия / отсутствия реакции на особенности лексического значения мотиватора» [Очерки..., 1998, с. 5]. В деривационном плане, на наш взгляд, в эту рубрику прежде всего можно отнести модификационные модели (они все же еще остаются и моделями) и модели синтаксической деривации. Нам представляется, что в данных типах реакция аффикса на лексическое значение меньшая, чем у мутационных типов, и форманты конкурируют между собой больше (стремление к стандартной форме выражения того или иного значения¹⁷), чем при мутационном словообразовании (это никоим образом не означает, что мутационные типы выключены из описываемой здесь динамической линии). Усиление элементов условности в данном случае достигает еще большей степени, т.к. грамматика представляет собой своего рода структурный код языка, который прежде всего ориентирован на синтаксис, т.е. обеспечивает построение высказывания / текста (не случайно существуют различные точки зрения на природу грамматических категорий падежа, числа – синтаксичны ли они? номинативны ли?). Интересно отметить, что в таком случае названные модели начинают зависеть от грамматического устройства языка. Например, необходимость

¹⁷ По этим параметрам названные типы приближаются к грамматическим парадигмам.

формального выражения значения «женскости» в русском языке связано с наличием в нем грамматической категории рода, тогда как в английском ее отсутствие делает формальную выраженность этой категории как бы избыточной¹⁸. Отметим, что момент отражения присутствуют и в данном случае (ср. определение номинативного типа грамматического значения как значения, отражающего определенный отрезок, «кусочек» реальной действительности [Зализняк, 1967]).

Таким образом, взаимодействие лексического и грамматического плана языковой системности порождает различные типы и степени опосредованности языкоречевой материи, а также различные проявления в ней отражательного (непосредственного), которые, взаимопреломляясь, оказывают влияние на процессы функционирования мотиватов¹⁹.

1.3 Генетическое и синхронно-функциональное в мотивационном плане лексических единиц

Другой аспект, тесно связанный с оппозицией форма / содержание – аспект взаимоотношения генетического и синхронно-функционального в мотивационном плане лексических единиц. Как уже говорилось, в функциональном отношении общелингвистическая антиномия генетическое / синхронно-функциональное выражается в противопоставлении лексических единиц: новообразования или готовые слова. Существует мнение, что функции мотивировки исчерпываются актом создания новообразования, после такого

¹⁸ Отметим, что при этом для названия животных в аспекте половой принадлежности такие специальные средства присутствуют. Это обусловлено тем, что названия животных в английском языке сочетаются (а это уже синтагматический, условно-технический момент) с местоимением *it*, с которым также сочетаются неодушевленные существительные.

¹⁹ В этом плане нам близка концепция Л.Г. Зубковой, которая считает, что язык представляет собой форму мысли, относительно независимое от внешних фактов образование [Зубкова, 1999]. Причем, исследователь пытается описать историю развития концепций языка как формы, находящихся на различном удалении от заявленной концепции (язык – вещь в представлениях античных авторов, язык – биологический организм в концепции А. Шлейхера и т.п.).

акта мотивированность как бы теряет свой функциональный статус и становится не более чем генетическим элементом в структуре слова. Так, В.А. Звегинцев, понимая под ВФС внутреннюю языковую мотивированность, ставит в своей работе вопрос о ее роли в процессах функционирования и смыслового развития слова. При этом он отмечает, что мотивировочный признак содержательно и функционально значим лишь на этапе создания новообразования, затем же он деактуализируется, забывается. «Несомненно, что первоначально (как переходная стадия) смысловая зависимость производного слова от основного должна была наличествовать, но только до тех пор, пока доминирующим элементом в значении слова остается «первоначальный» признак или значение основного слова. Такое положение сохраняется до тех пор, пока новое слово продолжает еще, так сказать, глядеть на объективную действительность глазами основного слова... Но затем, по мере того как новое слово перестает соотноситься с объективной действительностью через посредство опорного слова, оно обретает полную смысловую самостоятельность и его значение начинает определяться теми факторами, которые определяют значение каждого слова, – соотносённостью с определенным классом предметов, связью с соответствующим понятием и функционально языковым моментом... А что касается первичного признака (смысловой связи с опорным словом) или «внутренней формы» слова, то она отступает на задний план, «забывается» и фактически перестает играть всякую роль в установлении правил функционирования нового слова и его дальнейшего смыслового развития», а потому ВФС «относится к явлениям ономаσιологическим и поэтому имеет значение преимущественно для этимологических исследований» [Звегинцев, 1957, с. 193]. Таким образом, признается, что готовые слова в языке воспроизводятся (возможность их создания в речи исключается), производимы лишь те слова, которые не входят непосредственно в словарный состав языка. Такой подход в несколько другом аспекте развивается в работах М.А. Михайлова, В.М. Солнцева и основывается

на противопоставлении единиц языка единицам речи. Признается, что «главная особенность единиц речи состоит в том, что они являются результатом свободного комбинирования единиц языка» [Солнцев, 1971, с. 145], в противоположность этому единицы языка не создаются, но повторяются вновь. Таким образом, «воспроизводимость – минимум из комплекса признаков, свойственных элементам словарного состава языка» [Беляева, Павлов, 1976, с. 139].

Несомненно, что названная точка зрения отражает одну из сторон описываемого объекта, но вместе с тем в определенном отношении и абсолютизирует ее. Безусловно, что генетическое имеет тенденцию застывать во внутренней форме, которая в свою очередь стремится к слиянию с формой внешней, но его статус в синхронии не является столь однозначным: «генетическая детерминация – это детерминация прошлым, но таким прошлым, которое сохранило свою актуальность и в настоящем» и в этом отношении генетический компонент синхронен и функционален [Голев, 1997, с. 29]. Хорошо известны, например, возможности фонового воздействия генетического; так, сочетаемость предлога *благодаря* ограничена семантикой, содержащей причины позитивного характера²⁰, частица *бывало* вносит в текст план прошедшего времени и т.п.

С одной стороны, ВФС является своего рода генетическим элементом в структуре слова; это связано прежде всего с тем, что условия, приведшие к возникновению лексической единицы, достаточно быстро исчерпываются, а это в свою очередь приводит к деактуализации внутренней структуры слова (ее застыванию, слиянию с внешней формой). Этот факт напрямую связан с формированием актуальной семантики той или иной лексемы, которая начинает определяться иными функциональными сферами (прагматическими, семантическими, синтагматическими). Новые источники развития слова зачастую входят в противоречие с ВФС и являются причиной такого процесса,

²⁰ Пример взят из работы Н.Д. Голева [Голев, 1989].

как демотивация, причем названное движение (движение к демотивации) порождает различные степени «генетичности» ВФС (ср. *забыть* и *задумать*).

Синхронно-функциональный план мотивационно-деривационной структуры слова восходит к другим источникам детерминации и вытекает прежде всего из необходимости в деривации лексических единиц с опорой на их формальный план. Такой вид функционирования в свою очередь связан с определенными синтаксическими, прагматическими, семантическими параметрами разворачивающегося текста, которые стимулируют, включают формально-семантические суппозиции при его порождении; ср.: «на определенном этапе отхода от генетического мотивация приобретает принципиально новые качества, уже никак не связанные с исходными суппозициями. Утрачивает свою функциональную роль мотивировочный признак (абсолютный план мотивации), усиливается проявление относительного плана: мотиват как типовой член тема-рематических, субъектно-объектных и других внутритекстовых корреляций», «повторы корня, наряду с лексическими повторами, имплицитно развивают тему, создают ощущение единства текста и его структурированности по принципам «тема – рема», «данное - новое» [Голев, 1989, с. 132]. При этом синхронно-функциональный план и генетический находятся между собой в противоречивых отношениях: они одновременно и предполагают, и отрицают друг друга. Так, деривационное функционирование (в целевом отношении) не является прямой реконструкцией генетического (даже при кажущемся тождестве этих планов). С другой стороны, генетическое является предпосылкой (суппозицией) функционального, оно воздействует как бы из глубины, и его реконструкция все-таки происходит, но такая реконструкция противоречива (она совмещает в себе уже оба плана: и генетический, и актуальный функциональный) и осуществляется уже на новом витке развития слова. С этой точки зрения важным детерминационным фактором предстает структура-форма, воздействующая по принципу обратной связи на

содержательные компоненты слова, она способна организовывать их; хорошо, например, известен тот факт, что деривационная структура способна «впитывать» в себя семантические спецификации, возникающие в ходе развития семантической его стороны (ср. также пример со словом *зонтик*, ставшим уже в каком-то отношении классическим [Реформатский, 1975]).

Роль генетического в детерминационном отношении увеличивается в системно-языковом плане, где **формальные** (именно формальные отношения представляют собой наибольшую, как мы считаем, степень генетичности) отношения слов получают высокую степень типизированности. В этом проявляются саморегулятивные возможности языка, и структура **любой** степени генетичности может стать суппозицией для деривационного функционирования слова, оказывая при этом обратное воздействие на его синхронно-функциональные свойства. Данное утверждение связано с признанием диалектичного характера отношений между формой и содержанием языка, с возможностью их взаимоперехода друг в друга.

1.4 Внутренняя форма слова как механизм его деривационного функционирования

Сказанное выше позволяет нам рассматривать ВФС в качестве механизма, реализующего особый тип функционирования слова, связанный с процессами его деривационного функционирования. Как уже отмечалось, под деривационным функционированием мы вслед за Н.Д. Голевым понимаем «особый тип функционирования, который характеризуется (в отличие от прямого номинативного функционирования слова) особым механизмом осуществления – активным (значимым) участием ВФС при его употреблении, актуализацией формальных суппозиций слова в процессе выбора лексической единицы...» [Голев, 1998, с. 13]. Данное утверждение непосредственно связано

с признанием суппозитивной функции мотивации в качестве базовой (глубинной) ее функции. Напомним, что сущность суппозитивной функции заключается в том, что мотивация признается в качестве процесса «суппозиционно-мотивационного обеспечения актов деривации лексических единиц, впервые или повторно производимых» [Голев, 1989, с. 38]. Суппозиционная функция необходимо возникает в процессах порождения речи, так как говорящий вынужден опираться на предшествующие элементы текста при построении его последующих элементов [Голев, 1995, с. 20], и, таким образом, деривационное функционирование слова (в психолингвистическом плане) «заключается прежде всего в необходимости того, чтобы тема и рема воспроизводились сравнительно долгое время, чтобы установка на передачу определенной информации могла в течение долгого времени противостоять побочным отвлекающим влияниям; попеременная смена позиций темы и ремы (то, что составляет рему, повторяясь, становится темой) отражает данную необходимость. Прямые лексические повторы и собственно эпидигматы (одноморфемные или – шире – одноформные слова) являются важными звеньями такой цепи» [Голев, 1995, с.21].

Природа суппозитивной функции, как мы считаем, весьма противоречива. Противоречивость ее заключается в том, что она относительно условна. Речевая суппозиция (мотив) является преобразованием отражательного содержания (внеязыковой суппозиции), с другой стороны, она оказывается также и под непосредственным воздействием опосредованных, а следовательно, и условных суппозиций (системы мотивов), сложившихся в языке. В этом отношении речевой мотив оказывается условным по отношению как к внешне, так и внутриязыковым источникам детерминации. Говоря в этом плане о ВФС, нужно отметить ее промежуточный статус (такой статус напрямую связан с формированием речевых мотивов, так как ВФС в генетическом аспекте есть опредмеченный речевой мотив) по отношению к таким языковым антиномиям, как форма и содержание: относительно

содержания ВФС выступает прежде всего как форма, относительно же внешней формы она является элементом содержательного порядка (ср. «ВФС есть некий «средний член», который неразрывно сплетен с данностью слова, а с другой стороны, стимулирует и направляет образование его смысла» [Бибихин, 178, с. 52]).

Но статус ВФС носит не только промежуточный, но и самостоятельный характер. Данный тезис достаточно глубоко отражается в следующем положении Н.Д. Голева: «ВФС, с одной стороны, - связующий компонент между планами выражения и содержания слова, т.е. элемент, который организует две разнородные по своей природе субстанции в функциональное целое. Связующий статус ВФС соответствует ее двойкой природе: являясь изначально содержательным фактором – мотивировочным признаком, она принадлежит функционально форме, которую мотивирует, поэтому в синхронном смысле ее справедливо квалифицируют как значимость. С другой стороны, связующая функция мотивации позволяет видеть в ней не только промежуточное, зависящее от обоих планов, но и вполне самостоятельное явление. Мотивационное содержание во всех своих проявлениях не сливается с лексическим значением, не входит непосредственно в его концептуальную часть, именно потому, что оно неотрывно от формы и само в известном отношении является формой, способом создания формы. В то же время оно не сливается полностью с формой, поскольку специфика создания формы как раз и заключается в опоре на отдельные компоненты содержания – носителей мотивационных функций и значений. По отношению к лексическому значению ВФС обнаруживает свою условность, по отношению же к звуковой оболочке она, напротив, олицетворяет тенденцию к преодолению условности, к установлению принципа этимологического доверия или – шире – доверия к форме вообще» [Голев, 1989, с.72 – 73]. Данный тезис тесно связан с признанием наличия плана условности в мотивационном содержании, выраженном в мотивате любого качества. Это вытекает из признания

коммуникативной функции мотивации как основополагающей, мотивировочный признак изначально условен, а следовательно, он не является основанием для выводимости из него лексического значения мотива (напомним, что принцип выводимости имеет центральное значение в деривационных моделях и отождествляется с концепцией истинности мотивации). В этой связи уместно опереться на мысль В.В. Бибихина, связывающего редукционизм в семантических исследованиях с поиском внутренней формы, отождествлением ее с «живым» значением: «лингвистическая семантика после Гумбольдта складывается и развивается за счет ухода от переливов живого значения и смысла в языке к их априорно предполагаемой стабильной основе» (в качестве такой основы выступает принцип ВФС) [Бибихин, 1978, с. 52].

Самостоятельность мотивационного плана, выраженного в его внутренней форме, является предпосылкой деривационного функционирования слова, ВФС в этом плане представляет собой механизм осуществления деривационной его функции. Мотивационное же содержание, в ней заключенное, является суппозицией, определяющей акты создания и воссоздания (выбора) слова. При этом деривационное функционирование предстает как своего рода условно-технический акт, направленный на преобразование исходного слова, которое включено в общие процессы порождения речи. Связующий же его статус (воплощающийся в диалектике описанных выше антиномий) порождает различные степени осложнения деривационного функционирования. Так, условность мотивировочного признака, как мы уже отмечали, есть результат языкового преобразования непосредственного (мыслительного, отражательного), и это создает предпосылку для актуализации в процессах деривационного функционирования лексических единиц генетико-отражательных их элементов, например, при создании каламбуров, суггестивном использовании ВФС [Голев, 1998; Толкунова, 1994]. Обратное воздействие формального-семантического

плана языковой системности на мотиват приводит к актуализации формально-генетических его свойств (*нельзя – лъзя*) и т.п.

Явления подобного рода вызывают сомнения у ряда лингвистов в глобальности деривационной функции ВФС [см. Резанова, 1994, с. 118]. Деривационное функционирование слова признается в качестве вторичного, в каком-то смысле периферийного компонента речевой деятельности, носящего стилиобразующий характер, обязательно сопряженного с метаречевыми усилиями говорящего. Отмечается при этом, что они обладают своей особой прагматикой: языковая игра, языковая суггестия.

Данные положения требуют постановки и решения новых проблем: соотношения метаязыкового и собственно языкового факторов в речевой деятельности [см. Ростова, 1998], игрового и коммуникативного и т.п., которые не являются предметом настоящего исследования. В отношении развиваемых в настоящем параграфе положений нам представляется важным отметить следующее:

1. Игровое, суггестивное, стилистическое использование ВФС представляется производным от деривационного функционирования слова. «Внешние» эффекты возникают как результат противоречивого статуса ВФС по отношению к общезыковым антиномиям отражательное / коммуникативное, генетическое / синхронно-функциональное, система / функционирование и т.п.

2. Косвенным доказательством глобальности деривационной функции служит «незамечание» этих внешних эффектов:

а) появление новообразования предшествует оценке его маркированного статуса. Ср: «Допускается **некоторая** задержка мяча в защите, но каждый судья определяет степень этой **некоторости** по-своему» (из комментария к волейбольному матчу).

б) естественная, не преследующая суггестивных или иного рода целей деидиоматизации мотивата (прямое выведение значения мотиватора из

значения мотивата). «Дума весь день ждала **письма** президента, а президент так ничего и не **пишет**» (из программы новостей).

в) столкновение прямого и переносного значения слова при образовании мотивата (в другом аспекте преобразование непосредственного в условное в момент его создания). Ср: – Сорт этих помидоров может долго **лежать**, не портиться. Собеседница: – Да, эти помидоры очень **лежкие** (из разговора в трамвае). Создание идиоматического мотивата в данном случае связано именно с условной природой мотивировочного признака, он не должен и не обязан охватывать все содержание и в данном случае является суппозицией для порождения слова, которое является формально-семантическим продлением мотиватора в рамках его деривационного функционирования, и вряд ли установка на каламбур или языковую игру являлась причиной появления данного мотивата. Ср. также «Динамо́вцы получают серебряные медали турнира, но ждали они другого серебра – серебряный кубок – главный приз Евролиги».

г) глобальность деривационной функции можно проиллюстрировать и «негативным» примером: «После того, как ты успокоила мужа, сделала так, как он хочет, нужно затем петь потихоньку и петь свое. Так что желаю вам **удачного** (пауза) семейной жизни!» (очевидно, что установка на продление была изначально (изначальность же в данном случае есть проявление сущности, глобальности) заложена в коммуникативной программе данного высказывания, не случайна в этом плане грамматическая форма прилагательного, но осознание противоречий привело к отказу от формы *пение*).

Таким образом, возможность неосознанного (спонтанного) включения актов морфемного анализа / синтеза свидетельствует, как нам думается, о глобальности деривационной функции слова. Осознание же противоречий (осознание может принимать различные формы: выводиться из метаязыковых рефлексий, из практического владения языком), заложенных в самой ВФС и

выдвижение их на передний план (причем, мы полагаем (и попытались это доказать), что зачастую подобное осознание запаздывает либо отсутствует вообще) порождает осложненное разными прагматическими задачами деривационное функционирование слова. При всем этом суппозитивная функция ВФС сохраняется и в случае подобного функционирования; это продление формы и семантики мотивата, и элементы условно-технические сохраняются и в данных обстоятельствах, но уже приобретают роль не только средства создания единства текста, но и средства достижения определенных специальных коммуникативных задач. Безусловно, что деривационное функционирование слова, являясь относительно самостоятельным типом функционирования, оказывается связанным и со стилистикой, и с прагматикой и т.п. становящегося текста, которые связаны с процессами коммуникации (игровое, конечно же, не выключено из сферы коммуникативного (условного)). Это, по нашему мнению, требует построения целостной концепции деривационного функционирования слова, в которой бы учитывалось, с одной стороны, наличие в нем разнородных планов, обладающих своей спецификой, с другой – намечались бы пути снятия складывающихся между этими планами противоречий.

Выводы

1. Исследование структурно-семантических и функциональных описаний ВФС позволило нам сделать вывод о том, что функциональный и онтологический планы ВФС оказываются в каком-то отношении разорванными между собой, разорванность этих планов носит объективный характер, так как члены антиномии система / функционирование представляют относительно независимые друг от друга планы существования языка.

2. Проведенное исследование функциональных подходов к ВФС позволило нам сделать вывод о том, что в центре внимания исследователей находится прежде всего гносеологическая функция мотивировочного признака, выраженного в ВФС, коммуникативное же его предназначение остается практически не раскрытым. Причем гносеологическая модель представлена в разных своих проявлениях: ВФС выводится из процессов, связанных с познанием человеком окружающего мира (ономасиологические концепции), из вышестоящих единиц: предложения, словосочетания, пропозициональных структур и т.п. (дериватологическая синтактикоцентристская модель), выведение ВФС из единиц нижестоящего уровня (дериватологическая морфемоцентристская модель).

3. Анализ названных вопросов позволил нам выдвинуть предположение о противоречивой природе ВФС, в которой наличествуют полюса условного и отражательного, формы и содержания, синхронно-функционального и генетического. Находясь между собой в противоречивых отношениях, данные полюса обуславливают онтологию и представляют собой источники, детерминирующие процессы функционирования исследуемого объекта.

4. Вывод об относительной самостоятельности (условности, невыводимости из других сфер) мотивировочного признака, выраженного в его внутренней форме, позволил рассматривать ВФС как механизм, предназначенный для осуществления деривационной функции слова. Мотивационное же содержание, заключенное в ней, является суппозицией, определяющей акты создания и воссоздания слова. При этом деривационное функционирование предстает как своего рода условно-технический акт, направленный на формально-семантическое преобразование исходного слова, которое включено в общие процессы порождения речи.

Глава 2.

Экспериментальное исследование потенциала деривационного функционирования мотиватов

2.1 Материал, цели и характер эксперимента

Данная глава посвящена экспериментальному исследованию потенциала деривационного функционирования мотиватов. С целью верификации выдвинутых в работе положений нами был проведен ассоциативно-деривационный эксперимент.

Методика такого рода экспериментов была разработана Н.Д. Голевым и апробирована в ряде работ, посвященных исследованиям деривационных процессов в современном русском языке [Гусар, 1995; Трубникова, 1997; Доронина, 1999].

Экспериментальная схема предполагает заполнение реципиентами текстовой лакуны в контекстах деривационного типа – контекстах, содержащих фокусы производимости, структура которых в достаточно высокой степени обуславливает обращение к формально-семантическим суппозициям в процессе порождения выходов при заполнении лакун. Для этого нами были выбраны три лексико-деривационных контекста (далее – ЛДК), предположительно обладающие разной степенью деривативного потенциала. Экспериментальными явились следующие контексты:

1. *На то это и (слово-стимул), чтобы...*
2. *Что это за (слово-стимул), если...*
3. *- На старом месте его звали (слово-стимул)!*
- Ну так что ж, это потому что...

Материалом исследования послужили десять мотиватов, обладающих различной степенью мотивированности и, по нашему исходному предположению, имеющие различный потенциал деривационного функционирования (именно такой отбор материала обусловлен гипотезой работы). Вторым критерием отбора материала являлся критерий принадлежности слов-стимулов к определенной системно-структурной группе. Так, исследуемые нами слова входят в группы одноструктурных, однокорневых и синонимичных лексем. Приведем список слов, которые представляли материал нашего исследования:

1. *Невидимка*
2. *Наблюдатель*
3. *Целитель*
4. *Каратель*
5. *Очевидец*
6. *Свидетель*
7. *Врач*
8. *Лекарь*
9. *Зритель*
10. *Смотритель*

Характер эксперимента заключался в следующем: испытуемым предлагались анкеты, в которых были приведены названные контексты, реципиенты должны были заполнить пробел в предъявляемой им фразе, причем основным условием выполняемого задания являлось то, что ассоциация должна быть спонтанной – первой ассоциацией, возникающей после прочтения контекста.

Чистота эксперимента определялась несколькими факторами. Во-первых, участником эксперимента мог быть любой носитель языка независимо от возраста, пола, уровня и специфики образования и т.п. Во-вторых, мы исключили возможность того, что один и тот же информант будет работать с

одним словом, и с целью исключения создания актуализации были введены задания «отвлекающего характера» (постановка ударений).

2.2 Анализ экспериментальных данных

2.2.1 Методика анализа

Настоящий параграф посвящен описанию разработанной нами методики анализа экспериментальных данных, создание которой являлось одной из задач настоящей работы. В процессе разработки представленной ниже методики нами были получены основные параметры и понятия, которые позволили описать материал, полученный в ходе проведения эксперимента, поэтому описание методики предшествует непосредственному описанию материала.

Создание методики описания материала было связано с решением двух задач. Нам предстояло разработать:

1. Основания (принципы) классификации всего массива данных;
2. Проанализировать причины, лежащие в основе анализируемых реакций.

Поэтому настоящая методика основывается на относительно самостоятельном выделении различных линий описания материала: она включает в себя классификационно-количественную и объяснительную линии (аспекты) исследования экспериментальных выходов в деривативных контекстах.

Классификационно-количественный аспект описания. Настоящая линия исследования имела своей целью:

1. Выделение определенных классов из всей совокупности экспериментальных реакций;
2. Установление отношений между этими классами;
3. Количественную характеристику выделенных нами классов.

Предварительное таксономическое исследование материала было основано на сопоставлении экспериментальных объектов. В результате исследования мы обнаружили, что признаки, по которым могут быть охарактеризованы экспериментальные объекты (выходы ассоциативно-деривационного эксперимента), обладают свойством регулярности. Это позволило классифицировать все множество выходов-реакций описанным ниже образом. В горизонтальную строку выписывались признаки, по которым могут быть оценены экспериментальные объекты, объекты соответственно выписывались в вертикальную строку. Наличие признака обозначалось цифрой 1, его отсутствие – цифрой 0. Затем данная информация вводилась в программу, которая сравнивала попарно все объекты, тем самым устанавливая меру сходства / различия между объектами. Естественно, что если мера различия была равна нулю, то соответствующие объекты попадали в один класс. По результатам сравнения строился граф, который наглядно изображал отношения между классами.

Нужно отметить, что методика носила экспериментальный характер: имеется в виду, что количество признаков могло варьироваться, что естественно вело к построению различных графов, а следовательно, отражало и различные отношения между классами. В результате экспериментирования с признаками обнаружилось регулярные отклонения в строении графов. Это позволило нам определить значимость того или иного признака, а также характер его отношения к другим признакам.

Дальнейшее исследование проводилось нами в двух направлениях: установление минимального количества признаков, которые способны различить весь массив данных (естественно, что дублирующие друг друга признаки вычеркивались); выявление характера отношений между признаками по параметру «совместимость – несовместимость».

Анализ этих вопросов привел к следующим результатам. Приведем список минимального количества признаков:

1. Эксплицитные – имплицитные
2. Местоименные – неместоименные
3. Осложненные – простые
4. Синтагматические – несинтагматические
5. Аффиксальные – неаффиксальные
6. Тавтологические – нетавтологические
7. Ассоциативные – неассоциативные

Критерии приписывания признаков.

1. В основании выделения первого признака лежит характер связи между стимулом и реакцией (связь с опорой на форму – связь без такой опоры). Эксплицитные выходы – это выходы, имеющие со словом стимулом определенную общность формы. Естественно, что имплицитные реакции не обнаруживают такой общности.

2. Местоименные реакции – это такие реакции, которые в своем составе содержали так называемый местоименный глагол *делать*. Пример: *На то это и смотритель, чтобы что-то делать*.

3. Критерии разграничения данного типа признаков следующие: точкой отсчета служили ближайшие деривационно-мотивационные реакции на исходное слово-стимул; данные реакции были квалифицированы нами как простые (*каратель – карать* и т.п.); в состав простых реакций также входят такие, которые содержат лексемы, синонимичные названным деривационно-мотивационным реакциям (*наказывать – синонимично карать* и т.п.); все остальные реакции признавались осложненными.

4. Основанием для разграничения синтагматических и несинтагматических типов являлся характер лексической сочетаемости «внутри» выходов. Под синтагматическими реакциями понимаются реакции, которые обнаруживают разного рода отклонения в синтагматике базовых

слов, организующих тот или иной экспериментальный выход. Приведем конкретные примеры:

а) нетипичное грамматическое управление: *наблюдатель – наблюдательный ко всем явлениям;*

б) нетипичное семантическое управление (нетиповой семантический акт): *каратель – наказывать взглядом;*

в) управление, характерное для другого значения слова – стимула: *смотритель – он все смотрел.*

Все остальные реакции квалифицировались как несинтагматические.

5. Аффиксальные реакции – это такие реакции, которые связаны с исходным словом-стимулом аффиксальной морфемой: *наблюдатель – преследователь.*

6. Критерием выделения оппозиции тавтологические – нетавтологические реакции являлось наличие повтора слова – стимула в выходе либо его местоименной в нем (выходе) замены. См. [Трубникова, 1997]. Пример: *зритель – он был зрителем; зритель – он им и был.*

7. Ассоциативный тип выходов выделялся по двум основаниям. Ассоциативными реакциями признавались реакции, несемантизируемые относительно всего контекста в целом (*смотритель – стрелять*), а также единичные выходы. Два названных основания взаимодополняют друг друга и соотносятся следующим образом: если реакция единична и несемантизируема, то она ассоциативна, если реакция несемантизируема и не единична (т.е. регулярно повторяется – безусловно, степень регулярности может быть различной – в базовом и / или вспомогательном эксперименте), то данная реакция неассоциативна. Так, реакция *На то это и каратель, чтобы уничтожить* была квалифицирована нами как неассоциативная вследствие того, что во вспомогательном эксперименте (на формулирование значения слова) присутствовал ответ *каратель – это уничтожитель,*

несмотря на то, что она была единична в базовом (ассоциативно-деривационном) эксперименте.

Нами были обнаружены следующие закономерности в отношениях между признаками:

1. Теоретически все признаки обладают свойством совместимости. В нашей выборке несовместимыми признаками явились ассоциативный – простой – осложненный. Эта закономерность (определяющая совместимость), на наш взгляд, обусловлена тем, что продолжение исходной фразы теоретически может содержать неограниченное количество лексем, хотя содержательный план может налагать определенные ограничения на совместимость тех или иных признаков.

2. Существуют такие признаки, которые совместимы со своим отрицанием. Данная закономерность обусловлена возможностью появления неоднословных реакций; в нашей выборке такими признаками явились «эксплицитный – имплицитный», «осложненный – простой». Поэтому для эффективного различения классов мы брали эти два признака совместно с их отрицанием. Данное утверждение требует пояснения: например, используя какой-либо один признак (скажем, «эксплицитность»), мы не сможем адекватно квалифицировать реакцию *убивать*, *карать*, и названная реакция попадет в класс эксплицитных типов, тогда как наличие в ней признака «имплицитность» объективно и не вызывает сомнений.

Проиллюстрируем возможности описания настоящей методики на примере поля реакций слова-стимула *каратель*. Данное слово-стимул может быть задано следующей таблицей:

Исследуемая реакция	Тип признака								
	Эк.	Им.	М.	Ос.	Пр.	С.	Т.	Аф.	Ас.
смотреть	1	0	0	0	1	0	0	0	0
за всем следить да смотреть	1	1	0	0	1	0	0	0	0
Присматривать (за чем-то, всеми)	1	0	0	1	1	0	0	0	0
надсматривать	1	0	0	1	1	0	0	0	0
Видеть (все):	0	1	0	1	0	0	0	0	0
наблюдать	0	1	0	0	1	0	0	0	0
чтобы был порядок	0	1	0	1	0	0	0	0	0
следить за порядком	0	1	0	0	1	0	0	0	0
быть в курсе происходящего ²¹	0	1	0	1	0	0	0	0	0
приглядывать за всеми за вами	0	1	0	0	1	0	0	0	0
стрелять	0	1	0	1	0	0	0	0	1
смотрел по сторонам	1	0	0	0	1	1	0	0	0
он все смотрел	1	0	0	0	1	1	0	0	0
потому что он смотритель	1	0	0	0	1	0	1	0	0
он им и был	0	1	0	0	1	0	1	0	0
профессия не оправдалась	0	1	0	1	0	0	0	0	1
контролировал все это	0	1	0	1	0	0	0	0	1
он очень наблюдательный	0	1	0	1	0	0	0	0	0
он отвечал за объект	0	1	0	1	0	0	0	0	0
он ничего не делает	0	1	1	0	1	0	0	0	0
не смог усмотреть даже того, что	1	0	0	0	1	1	0	0	0
уследить не может за	0	1	0	0	1	0	0	0	0
не выполняет свои обязанности	0	1	0	1	0	0	0	0	0
он слепой	0	1	0	1	0	0	0	0	0
он ничего не понимает	0	1	0	1	0	0	0	0	1
если он наблюдатель и целитель	1	0	0	1	0	0	0	1	0
если не знает своей работы	0	1	0	1	0	0	0	0	0
если он рассеян	0	1	0	1	0	0	0	0	1
если никуда не ходит	0	1	0	1	0	0	0	0	1
что-то делать	0	1	1	0	1	0	0	0	0
порядка нет:	0	1	0	1	0	0	0	0	0

²¹ Вся реакция «быть в курсе происходящего на том или ином объекте».

подсматривать	1	0	0	1	0	0	0	0	0
---------------	---	---	---	---	---	---	---	---	---

В результате данного таксономического исследования нами были получены два класса. Первый класс (условно назовем его «чистый класс») – это такой класс, который отличается от любого другого, по крайней мере, одним видовым признаком и не может быть получен из суммы признаков каких-либо других классов. Второй тип «смешанный класс» – это класс, который может быть получен из суммы признаков двух (или более) других классов. Вернемся к представленной выше таблице и поясним введенные нами понятия. Очевидно, что реакции *за всем следить да смотреть, присматривать* будут являться суммой признаков, которые характеризуют другие выходы (*смотреть, следить, подсматривать*), где $1+1=1$, $1+0=1$ и $0+0=0$. В отличие от названных смешанных классов классы *смотреть* и *следить, подсматривать* не могут быть получены из суммы признаков других классов и различаются именно видовыми признаками (например, реакция *смотреть* противопоставлена реакции *подсматривать* по признаку простая / осложненная, а реакция *смотреть* противопоставлена выходу *следить* по признаку имплицитный / эксплицитный характер связи).

В результате нами были получены следующие классы:

А. Эксплицитный / простой:

а) *смотреть*

Б. Эксплицитный / осложненный:

а) *подсматривать*

В. Эксплицитный смешанного типа (простой / осложненный):

а) *присматривать (за чем-то; за всеми)*

б) *надсматривать*

Г. Эксплицитный / синтагматический:

- а) *потому что он все смотрел*
- б) *потому что он смотрел по сторонам*
- а) *если он не мог усмотреть даже того, что доступно каждому*

Д. Эксплицитный / тавтологический:

- а) *потому что он смотритель*

Е. Смешанный эксплицитно / имплицитный простого типа:

- а) *за всем следить да смотреть*

Ж. Имплицитный простой:

- а) *следить (за вами; за всеми)*
- б) *уследить не может за простой вещью*
- в) *следить за порядком*
- г) *наблюдать*
- д) *приглядывать (за всеми; за вами)*

З. Имплицитные осложненные:

- а) *чтобы был порядок*
- б) *не выполняет свои обязанности*
- в) *порядка нет*
- г) *видеть все*
- д) *потому что он очень (чрезвычайно) наблюдательный*
- е) *если он слепой*

И. Имплицитные ассоциативные:

- а) *быть в курсе происходящего на том или ином объекте*
- б) *стрелять*
- в) *потому что профессия не оправдалась*

- г) *потому что он контролировал все это*
- д) *потому что он отвечал за объект*
- е) *если он ничего не понимает*
- ж) *если не знает своей работы*
- з) *если он рассеян*
- и) *если никуда не ходит, весь день дома сидит*

К: Эксплицитные аффиксальные осложненного типа:

- а) *если он наблюдатель и целитель*

Л) Имплицитные местоименные:

- а) *чтобы что-то делать*
- б) *он ничего не делает*

М) Имплицитный тавтологический:

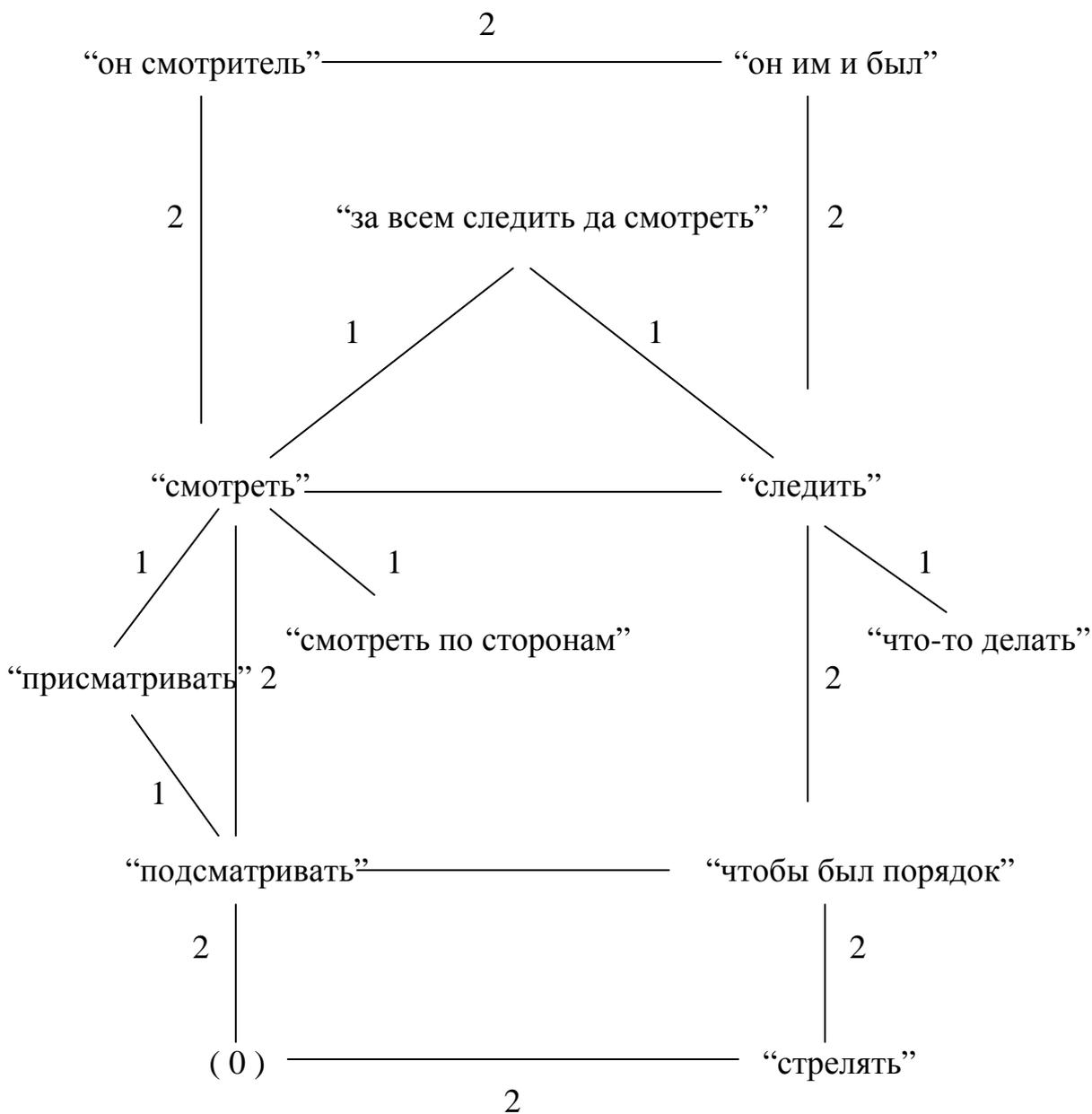
- а) *потому что он им и был*

Мера сходства (различия) между полученными в результате исследования классами может быть задана следующим образом:

Сравниваемые классы	Мера сходства	Сравниваемые классы	Мера сходства	Сравниваемые классы	Мера сходства
А – Б	2	В – Д	2	Д – М	2
А – В	1	В – Е	2	Е – Ж	1
А – Г	1	В – Ж	3	Е – З	3
А – Д	1	В – З	3	Е – И	4
А – Е	1	В – И	4	Е – К	4
А – Ж	2	В – К	2	Е – Л	2
А – З	4	В – Л	4	Е – М	2
А – И	5	В – М	4	Ж – З	2
А – К	3	Г – Д	2	Ж – И	3
А – Л	3	Г – Е	2	Ж – К	5
А – М	3	Г – Ж	3	Ж – Л	1
Б – В	1	Г – З	5	Ж – М	1
Б – Г	3	Г – И	6	З – И	1

Б – Д	3	Г – К	4	З – К	3
Б – Е	3	Г – Л	4	З – Л	3
Б – Ж	4	Г – М	4	З – М	3
Б – З	2	Д – Е	2	И – К	4
Б – И	3	Д – Ж	3	И – Л	4
Б – К	1	Д – З	5	И – М	4
Б – Л	5	Д – И	6	К – Л	6
Б – М	5	Д – К	4	К – М	6
В – Г	2	Д – Л	4	Л – М	2

Построим схему:

Приведенное таксономическое исследование материала, на наш взгляд, учитывает лишь поверхностный уровень его структуры; поле реакций структурируется при учете «формальных» (доступных непосредственному наблюдению) признаков экспериментальных объектов, и в этом плане в него вносится определенная степень условности. Дело в том, что полученные классы могут быть уточнены при семантическом (глубинном) исследовании массива данных. Так, например, «смешанные» выходы *убивать*, *карать* и *творить справедливость и карать грешных* формально принадлежат одному и тому же классу, в содержательном же плане они, безусловно, принадлежат различным классам: классу, формирующемуся негативной оценкой действия, и классу, формирующемуся позитивной его оценкой.

Такая асимметрия формального и содержательного аспектов разбиения материала, глубинного и поверхностного его структурирования, на наш взгляд, не является случайной. Она, очевидно, связана с асимметрическими тенденциями, заложенными в самом языке, которые имеют не случайный, а сущностный характер. Поэтому описанные выше различные подходы к анализу экспериментальных объектов должны взаимодополнять друг друга. Исходя из этого положения мы выделили семантическое описание материала в качестве самостоятельного.

Содержательное исследование позволило уточнить объем выделенных классов, а также углубить наши представления о структуре полей реакций. В основании семантического аспекта исследования лежит полевой²² принцип описания явлений языка, который основан на следующих содержательных представлениях:

1. Полевой принцип описания предполагает структурирование материала на основании выделения в нем ядра и периферии.

²² Полевой принцип описания в принципе заложен и в «формальной методике», которая способствовала выделению не просто дискретных, но связанных между собой и при этом находящихся на определенном **расстоянии** классов. В этом плане понятие меры сходства (различия) воплощает принцип непрерывной связи между исследуемыми объектами.

2. Для полевого принципа характерно признание непрерывного перехода от ядерных компонентов к периферийным.

Названные положения вполне соответствуют массиву данных, который представляет собой выходы нашего эксперимента: в основе поля, представляющего собой экспериментальные объекты, лежит ядро, которое состоит из регулярных семантических компонентов. Вокруг ядра расположены реакции периферийного характера, причем различные типы реакций располагаются на различном расстоянии от ядра-центра. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем опираться на семантически «уточненную» классификацию и задавать данные анализа слов-стимулов (каждый выход при этом рассматривается нами как единое в содержательном отношении целое) табличным способом. Отметим, что любая таблица может быть преобразована в граф определенного вида.

Переходя непосредственно к описанию исследуемого материала, мы хотим сделать следующее уточнение: предметом исследования в работе является деривационное функционирование мотиватов в лексико-деривационных контекстах (далее – ЛДК). Это факт оказал влияние на принципы и подход к интерпретации материала. Сказанное требует пояснения: ЛДК представляет собой определенную микросистему, которая обладает своей синтактикой, семантикой, прагматикой. Поэтому поле реакций формировалось при взаимодействии двух разнонаправленных детерминант: текстовых и лексемных. Семантика слов-стимулов при этом могла непосредственно составлять концептуальное ядро выходов (в этом случае слово-стимул является «целью» деривационного процесса), но также оно могло являться субстратом - «средством», и вследствие этого в фокусе деривации оказывались иные семы (исходные компоненты деривации). Пример: в контексте Б на слово-стимул *зритель* получена реакция *потому что он там жил*. Этот пример наглядно иллюстрирует названное положение. В данном выходе слово-стимул *зритель* является именно субстратом (актуальна только сема «лицо»), на передний же

план выдвигаются иные содержательные компоненты: оппозиция «старое – новое место» (маркером этой оппозиции, на наш взгляд, является лексема *там*). Исследование качеств ЛДК не входило в наши задачи, поэтому ответы подобного рода интерпретировались нами с лексикоцентристских позиций. Описанный выход, например, квалифицирован как «ассоциативный»; это обусловлено тем, что семантика союза *потому что* (семантика причины) в данном выходе осталась как бы незамеченной («причинность» может быть сохранена, на наш взгляд, только при возможности следующей интерпретации: «На старом месте (там) **всех** или **тех, кто обладал какими-то качествами** (такими, **какими обладал он**) называли **зритель**»).

2.3 Описание исследуемого материала

Слово-стимул *Невидимка* А = 50, Б = 43, В=51 (144)

- А) На то это и *невидимка*, чтобы...
- Б) - На старом месте его звали *невидимка*!
- Ну так что ж, это потому что...
- В) Что это за *невидимка*, если...

ГИз.	Характер связи	
	Эксплицитные	Имплицитные
П.	<p>А) чтобы быть невидимым – 9 (его не видели); ее не видеть; его не было видно; никого не видеть – 39</p> <p>Б) потому что его не видно; он не видим; его никогда не видели; его редко видели; он не виден – 16</p> <p>В) если он виден; его видно; его (ее) видят – 43</p>	<p>А) чтобы скрываться; его нигде не замечали; волосы закалывать; не замечали; прятаться – 7</p> <p>Б) потому что его никто не замечал; он был незаметным; он скрывается; он незаметный и ничем не выделяется – 10</p> <p>В) если он замечен во всех своих действиях – 1</p>
	<p>А) 78%</p> <p>Б) 37,2%</p> <p>В) 84,31%</p>	<p>А) 14%</p> <p>Б) 23,2%</p> <p>В) 4,5%</p>
Осл.	<p>А) никто не смог увидеть – 1</p> <p>Б) ---</p> <p>В) ----</p>	<p>А) –</p> <p>Б) никогда не создавал проблем; редко появляется на людях; редко показывался на глаза; его никогда не было на своем рабочем месте; нелюдим; он мог наблюдать незаметно для остальных – 6</p> <p>В) он оставляет следы; говорит без умолку; только они и говорят – 3</p>
	<p>А) 2%</p> <p>Б) 0%</p> <p>В) 0%</p>	<p>А) 0%</p> <p>б) 13,9%</p> <p>в) 5,8%</p>
А.	<p>А) –</p> <p>Б) –</p> <p>В) –</p>	<p>А) чтобы быть загадкой; чтобы быть везде – 2</p> <p>Б) это было на старом месте; потому что это я; он слишком много работал; он был одинок – 4</p> <p>В) –</p>
	<p>А) 0%</p> <p>Б) 0%</p> <p>В) 0%</p>	<p>А) 4%</p> <p>Б) 9,3</p> <p>В) 0%</p>
Отк.	<p>А) – 2 ,40%</p> <p>Б) – 4 , 93%</p> <p>В) – 4, 78%</p>	

Смешанные ²³(эксплицитные и имплицитные):

б) *он был невидимый или такой маленький, что его не замечали*

Остановимся на более подробной характеристике реакций слова-стимула *невидимка*. Как видно из таблицы, процент эксплицитных реакций очень высок. Это обусловлено внутрисистемными свойствами исследуемого деривата (на шкале степеней мотивированности он занимает достаточно высокое положение и уступает лишь слову-стимулу *наблюдатель*). При этом обращает на себя внимание малый процент собственно онтологических (словообразовательных) ответов. Этот факт, по нашему мнению, может быть объяснен следующим образом: онтологическая мотивация данного слова (*невидимка - невидимый*) представляет собой генетический план его структуры; синхронно-функциональный план формируется под воздействием содержательных факторов, и в этом плане отношения формального порядка стремятся к соответствию с отношениями, вытекающими из отношений семантических. Другими словами, детерминация выходов, вытекающая из лексического плана, оказывается более сильным фактором, обуславливающим функционирование данного мотивата. Ответы типа *быть невидимым* в этом отношении представляют собой актуализацию генетического, они не выключены из

²³ Напомним, что выделение смешанного типа реакций было основано на формальном принципе: если набор признаков какой-либо реакции являлся суммой признаков любых других выходов, то данная реакция признавалась смешанной. Отметим, что выделение названного типа представляет собой не просто процедуру формального порядка, но за ним (выделением) стоит определенное лингвистическое содержание. Приведем ряд примеров, доказывающих выдвинутое положение:

1. Наличие смешанных типов в параметре «характер связи» (эксплицитная / имплицитная) может быть интерпретирован с лингвистической точки зрения как проявление борьбы формы и содержания. В этом плане обе реакции (эксплицитная и имплицитная, скажем, *карать / наказывать*, *карать / убивать*, *смотреть / наблюдать* и т.п., представляют собой равноправные (конкурирующие) варианты заполнения семантико – синтаксических позиций текста.

2. Характер взаимодействия между признаками позволил нам выдвинуть предположение о строении поля реакций и о характере детерминационной направленности деривационных процессов, связанных с развитием того или иного мотивата. Например, выделение в качестве отдельной реакции *убивать*, *карать* (суммарно она сводится к исходным реакциям типа простых, эксплицитных, имплицитных, осложненных) и ее противопоставление реакции *карать*, *наказывать* позволило нам сделать вывод о том, что деривационное развитие анализируемой лексемы протекает в двух направлениях.

3. Наличие имплицитных реакций, сводящихся к реакциям простые / осложненные позволяет утверждать нам о деривационном развитии лексемы в семантическом плане (семантическая деривация).

процессов деривации, но в функциональном отношении они ослаблены. Особо хотелось бы отметить, что мотивировочный признак в данном случае играет своего рода структурирующую роль по отношению к содержательным компонентам. Он в каком-то отношении обязателен при организации выходов (человек, которого не видят, потому что он незаметен – это развитие метафорического переноса на базе мотивировочного признака; сюда же относятся выходы типа *невидимка - заколка, которую не видно*) и т.п.

Слово-стимул **Каратель**: А=45, Б=50, В=44 (139)

- А) На то это и *каратель*, чтобы...
- Б) - На старом месте его звали *каратель*!
- Ну так что ж, это потому что...
- В) Что это за *каратель*, если...

ГИз.	Характер связи	
	Эксплицитные	Имплицинные
П.	А) чтобы Карать – 26 Б) потому что он карал (людей) и его кара была страшна – 11 В) если не карает (не может/ не умеет карать); несправедливо карает; - 15	А) чтобы наказывать – 1 Б) потому что он наказывал (всех; побоями) – 5 В) если не наказывает (несправедливо наказывает; не может наказать) – 3
	А) 57,7% Б) 22% В) 34%	А) 2,2% Б) 10% В) 6,8%

Осл.	<p>А) чтобы покарать – 1</p> <p>Б) потому что он всех покарал (многих людей) – 2</p> <p>В) если не покарает; не осуществляет карательную функцию. (1;1)</p>	<p>А) чтобы убивать (убивать и захватывать); мучить (людей); делать вред; уничтожать – 10</p> <p>Б) потому что он слишком строг; он похож на бога -2 он предавал; он жестокий (он был жесток / к людям он жесток и не умеет прощать); он убийца (он убивал); он злой; он плохой человек; он вершил самосуд; он обычно своих соседей расстреливал из дробовика – 16.</p> <p>В) если Не может убить; не умеет красиво бить и убивать; не жесток; у него такое мягкое сердце; мягкосердечен; он явный гуманист; жалостлив по отношению к мухе; при виде крови падает в обморок; рука дрожит; слабохарактерный; сам слаб (он слабак), слабоватый и трусливый; он трус (2); он всего боится, милует – 16.</p>
	<p>а) 2,22%</p> <p>б) 4,00%</p> <p>в) 4,54%</p>	<p>а) 22,22%</p> <p>б) 32,00%</p> <p>в) 36,36%</p>
А.	<p>А) –</p> <p>Б) –</p> <p>В) не сможет укорить человека в чем-то содеянном</p>	<p>а) –</p> <p>б) потому что он служит в милиции; он любил указывать на чужие недостатки; он всех обсуждал; потому что на старом месте – 3.</p> <p>в) –</p>
	<p>а) 0,00%</p> <p>б) 0,00%</p> <p>в) 2,27%</p>	<p>а) 0%</p> <p>б) 6%</p> <p>в) 0%</p>
Т.	<p>а) –</p> <p>б) –</p> <p>в) если это не каратель – 1</p>	<p>А) –</p> <p>Б) –</p> <p>В) –</p>
	<p>А) 0,00%</p> <p>Б) 0,00%</p> <p>В) 2,27%</p>	<p>А) 0%</p> <p>Б) 0%</p> <p>В) 0%</p>
Отк.	<p>А) 13,33%</p> <p>Б) 12%</p> <p>В) 9,09%</p>	

Смешанные типы реакций:

1. простые (эксплицитные – имплицитные)

Б) *он всех наказывал, карал – 2;*

2. Осложненные – простые (эксплицитные – имплицитные)

А) *чтобы убивать, карать* – 1;

Б) *творил справедливость и карал грешных; он карает, подчиняет себе* – 2;

3. Имплицитные – простые, осложненные:

В) *если не наказывает, прощает* – 1;

4. Имплицитные – простые, синтагматические

Б) *потому что он своим взглядом наказывал каждого незнакомого*.

Охарактеризуем семантическую структуру поля реакций анализируемой лексемы. Поле реакций слова-стимула *каратель* расщепляется на два ядерных подмножества (структурируется по дивергентному типу). Первое из них организуется семантическими компонентами «справедливо наказывать того, кто совершил какой-либо проступок», второе – «жестоко наказывать провинившегося». На уровне производных, представляющих собой дальнейшее развитие поля, данные множества находятся в оппозитивных отношениях (оппозитивны компоненты «справедливо» – «жестоко»). Само же ядро восходит к немаркированным компонентам «наказывать», которые служат основой формирования обоих производных подмножеств. На этом (генетическом) уровне содержательный компонент «жестоко», на наш взгляд, не вступает в оппозитивные отношения с компонентом «справедливо» (это утверждение может быть наглядно проиллюстрировано на примере реакции *он слишком строг*, которая выступает именно как немаркированная; ее невозможно отнести ни к первому, ни ко второму подмножеству). Более четко обнаруживается данное семантическое расщепление на уровне дальнейшего развития производных подмножеств (в этом плане компоненты «жестоко» и «несправедливо» становятся, на наш взгляд, эквивалентными; см. *каратель – несправедливо наказывает*). Такая эквивалентность, безусловно, носит не абсолютный, а в каком-то отношении скорее функциональный характер

(контекстуальные синонимы). К первому подмножеству принадлежат следующие выходы: *наказывать, карать*¹²⁴, *покарать, творил справедливость и карал грешных, он похож на бога, не может укорить человека в чем-то, им содеянном*. Мы расположили реакции по мере их продвижения к ассоциативному пределу, начиная с немаркированного члена данного ряда. Все они объединены наличием семы «справедливо» (принадлежность реакций *творил справедливость....* и *похож на бога* к названному подмножеству очевидна; лексема *покарать*, на наш взгляд, не может употребляться в значении «несправедливо, жестоко», маркером же описываемой семантики в последней реакции служит лексема *содеянное*). Остальные выходы, по нашему мнению, принадлежат подмножеству с компонентом «жестоко, несправедливо» (еще раз подчеркнем, что названные компоненты на этом уровне являются в каком-то отношении эквивалентными). Очевидно, что ядром данного подмножества будут являться следующие реакции: *убивать и карать, мучить, уничтожать, он был жесток, он убийца, не умеет красиво бить и убивать, он злой, обычно расстреливал соседей из дробовика, вершил самосуд, если жалостлив по отношению к мухе, если мягкосердечен, карать*², *если он явный гуманист*. Данные реакции представляют собой вариативные заместители исходных семантических компонентов «несправедливо, жестоко».

Достаточно подробное описание семантической структуры поля мотивата продиктовано прежде всего тем, что именно на его фоне можно наиболее полно представить особенности реализации деривационного потенциала анализируемой лексемы. Реализация деривационного потенциала в настоящем случае имеет два направления. Первое из них связано с деривационно-мотивационным развитием специфицированного значения мотивата, например, «каратель – в войну участник карательного отряда» (с

²⁴ Выходы с опорной лексемой *карать* интерпретируются нами как омонимичные. Поэтому мы выделяем *карать*¹ и *карать*².

иллюстративным контекстом *зверства карателей*)²⁵. Причем развитие данной спецификации выражено как формально, так и семантически. Семантическое развитие выражено достаточно очевидно и представлено реакциями осложненного типа, которые были описаны нами как принадлежащие к полю, сформированному компонентом «жестоко». Объективность же формального развития подтверждается, на наш взгляд, наличием реакций смешанного типа: *убивать, карать*. В этом плане лексемы *убивать* и *карать* выступают как своего рода синонимы, это и позволило нам квалифицировать безактантные выходы с опорной лексемой *карать* как омонимичные (в одной из анкет при ответе на слово-стимул *карать* дано следующее пояснение: «каратель – от слова карать – уничтожать неудобных людей; в войну карательные отряды были одними из первых, от них и вред». Такое пояснение также подтверждает выдвинутое нами положение).

Вторая линия деривационной динамики связана с извлечением прямого неспецифицированного значения мотивата, выраженного в его внутренней форме. Каратель – «тот, кто подвергает каре, карает, наказывает». Отметим, что в формировании этой линии активное участие принимает морфо-деривационная структура слова. Тогда как в первом случае формально детерминированный ответ распространяет спецификацию, то во втором – ВФС является детерминационным фактором и формирует семантическое поле с компонентом положительной высокой оценки. Показательны в этом плане формально связанные реакции *покарать, не может укорить в чем-то содеянном* и семантически связанная реакция *похож на Бога*. Последняя названная реакция, на наш взгляд, является следствием имплицитного воздействия ВФС (мы считаем при этом, что в анализируемом случае непосредственно актуализируется корневая морфема, ср. *божья кара*).

Таким образом, происходит своего рода перераспределение детерминационно-деривационных сфер: в полюсе негативной семантики

²⁵ Здесь и далее лексическое значение слова дается по данным толкового словаря под редакцией С.И. Ожегова.

доминируют супплетивные дериваты, тогда как полюс позитивной связан с воздействием (эксплицитным или имплицитным) ВФС. Существенное различие заключается в том, что позитивная семантика стремится стать формально выраженной, и связанное с ней поле формируется по линии «притягивания» реакций по форме; напротив – формальное выражение негативной семантики факультативно и представляет собой развитие специфицированного значения мотивата.

Слово-стимул *Смотритель*: А = 51, Б = 51, В = 48 (150)

- А) На то это и *смотритель*, чтобы...
- Б) - На старом месте его звали *смотритель*!
- Ну так что ж, это потому что...
- В) Что это за *смотритель*, если...

ГИз	Характер связи	
	Эксплицитные	Имплицитные
П.	<p>А) смотреть – 27</p> <p>Б) смотреть – 11; (смотреть за...- 5) *смотреть (по сторонам, в окно) = 3</p> <p>В) не смотрит = 11; (смотрит за порядком – 2); *не смог усмотреть даже того, что доступно любому из нас – 1</p>	<p>А) следить (за порядком, другими) – 3; наблюдать – 1; приглядывать (за ...) – 2 видеть (все) – 3; *все за всеми видеть – 1</p> <p>Б) он следит (за порядком) – 1; наблюдает – 2; видит (все) – 2</p> <p>В) не видит (ничего) – 10; не следит – 2; не наблюдает (за событиями) -2</p>
	<p>А) 52,94%</p> <p>Б) 37,25%</p> <p>В) 29,16%</p>	<p>А) 19,60%</p> <p>Б) 9,80%</p> <p>В) 29,16%</p>

Осл	А) присматривать, надсматривать – 3 Б) присматривал (за всеми), производил надсмотр – 5 В)	А) быть в курсе происходящего на том или ином объекте; ничего не пропустить во время обхода; был порядок – 3 Б) он отвечал за объект; он контролировал все это; он очень наблюдательный–3; он ничего не делает –1 В) не наблюдателен; не знает своей работы; порядка нет; он рассеян; слепой - 11
	А) 5,88% Б) 9,80% В) 0,00%	А) 5,88% Б) 7,84% В) 22,91%
А.	А) ---- Б) ---- В) ----	А) чтобы стрелять – 1 Б) он везде совал свой нос; профессия не оправдалась; а на новом наблюдатель; это было на старом месте – 4 В) -----
	А) 0,00% Б) 0,00% В) 0,00%	А) 1,96% Б) 7,84% В) 0,00%
Т.	А) --- Б) он смотритель и есть – 4 В) ---	А) --- Б) --- В) ---
	А) 0,00% Б) 7,84% В) 0,00%	А) 0,00% Б) 0,00% В) 0,00%
М.	А) --- Б) --- В) ---	А) чтобы что-то делать – 1 Б) --- В) ---
	А) 0% Б) 0% В) 0%	А) 1,96% Б) 0,00% В) 0,00%
Отк.		А) – 1,96% Б) – 15,68% В) – 16,66%

Смешанные типы:

А) *за всеми следить да смотреть* – 1

Б) *приглядывает (смотрит); за всеми смотрит, созерцает* – 2

В) *не усмотрел, не углядел* – 1

Ядро поля реакций слова-стимула *смотритель* расщепляется на два подмножества. Первое подмножество выходов организовано семантическими компонентами «осуществлять надзор за кем-либо / чем-либо». Содержанием

второго подмножества являются компоненты «зрительного восприятия». Безусловно, названные семантические компоненты генетически связаны между собой, и расщепление «обнаруживается» по мере удаления выходов от ядра-центра (в этом плане ядро представляет собой аморфное образование). К первому выделенному нами подмножеству принадлежат следующие реакции: *смотреть за...*, *наблюдать*, *приглядывать*, *присматривать*; данные выходы являются членами синонимического ряда. Особо хотелось бы остановиться на последних двух выходах. Они обнаруживают семантический сдвиг в параметре «степень интенсивности». Содержанием последних являются компоненты «иметь попечение, заботиться о ком-либо». Естественно, что степень интенсивности у реакций типа *приглядывать* меньшая. В этом плане названные реакции тяготеют (движутся) к полюсу осложненных типов, в то же время они не выходят за рамки простых классов. Во второе подмножество входят реакции *он все смотрел, чтобы все видеть*. Отметим, что предварительно выходы, содержащие предикат, выраженный лексемой *видеть*, были квалифицированы нами как осложненные. Семантический анализ, по нашему мнению, дает нам возможность отнести данную реакцию к типу простых. Безактантная же реакция *смотреть* может быть интерпретирована двояко, т.е. как принадлежащая обоим подмножествам («зрительное восприятие», «осуществлять надзор»). Далее остановимся на осложненных и ассоциативных типах выходов. Эти выходы представляют собой семантические модификаты исходных ядерных подмножеств.

Модификаты исходного подмножества «осуществлять надзор»:

1. *потому что он контролировал все это;*
2. *чтобы был порядок;*
3. *быть в курсе происходящего на том или ином объекте;*
4. *он отвечал за объект* и т.п.

Связь данных реакций с ядром не вызывает сомнений. Предикаты данных выходов представляют собой разного рода заместители ядерных семантических

компонентов; при этом одновременно наблюдается определенная спецификация семантического объема выходов (*контролировать, порядок* и т.п.).

Модификаты исходного подмножества «зрительное восприятие»:

1. *он ничего не делает;*
2. *он слепой;*
3. *он очень наблюдательный* и т. п.

Реакция *он ничего не делает* предварительно была отнесена к местоименному классу. В данном же случае она квалифицируется как осложненная и принадлежит осложненному типу выходов подмножества «зрительное восприятие». Причем семы «зрительного восприятия» являются генетическим субстратом для настоящего выхода: актуализируются семы «пассивность; неучастие непосредственно в происходящих событиях». Реакция *он слепой* оппозитивна семантике зрительного восприятия и входит непосредственно в ядро названного подмножества. *Очень наблюдательный* – выход с расширением типа «внимательный, умеющий хорошо наблюдать» (основа – физическая возможность, расширяющий компонент – способность психического порядка; маркерами, выражающими в данном случае эту семантику, выступают лексемы-квалификаторы *очень* и т.п.). Ассоциативные реакции: *он ничего не понимает; профессия не оправдалась*²⁶. Эти выходы представляют собой дальнейшее движение к так называемому ассоциативному пределу (удаление от ядра-центра).

К подмножеству «осуществлять надзор» принадлежат следующие ассоциаты: *профессия не оправдалась, ничего не понимает*; в основе первой реакции, очевидно, лежит компонент «профессия», это и позволяет нам отнести данный выход к названному подмножеству, хотя расширение семантического

²⁶ Предварительно реакция *он рассеян* квалифицировалась нами как ассоциативная (т.к. она ебдинична), принадлежащая полю «зрительное восприятие». Семантический анализ позволил отнести данный выход к осложненному типу реакций. Это обусловлено тем, что семантические компоненты, выраженные в настоящем выходе, оппозитивны содержательным компонентам реакций *наблюдательный, внимательный; «рассеянный – невнимательный»*.

объема выхода, который выражен лексемой *не оправдалась*, «сдвигает» данную реакцию в зону ассоциативного типа выходов. Таким образом, этот выход располагается на границе осложненных и ассоциативных типов. Реакция *ничего не понимает* расположена ближе к ассоциативному пределу, т. к. расширение семантического объема имеет большую степень мутационности (ничего не понимает, не разбирается в чем? в своей *работе (обязанностях?)*). Данный невыраженный актант может подразумеваться только с определенной степенью вероятности.

Последняя реакция ассоциативного типа *стрелять* может иметь, на наш взгляд, интерпретацию, которая равновероятна двум выделенным нами подмножествам: «смотреть, надзирать за кем-то» и «в случае побега стрелять». С другой стороны – «зрение» – «стрелять».

Перейдем к детерминационно-деривационному описанию выходов анализируемой лексики. В этом плане можно выделить два динамических типа формально-деривационного развития лексики *смотритель*. Первый тип связан с извлечением прямого значения мотивирующей базы («направлять взгляд, намереваясь увидеть кого-нибудь, что-нибудь»). Данная линия динамики выражена прежде всего в синтагматических типах *все видеть* и т.п., а также в безактантных реакциях с опорной лексемой *смотреть*. Настоящие ответы подтверждают исходную гипотезу о включенности морфодеривационного уровня в процессы порождения речи, поскольку в описанных нами типах проявляется так называемое этимологическое доверие к ВФС, доверие к содержанию, выражаемому мотивировочным признаком. Причем анализируемый тип представляет собой одновременно и актуализацию генетического, и результат синхронно-функционального сближения слов по форме. Этот факт вытекает из того, что описанная семантика «зрительного восприятия», как мы уже сказали, является генетическим субстратом, который в данном случае отождествляется с синхронно-функциональными свойствами данных слов; при этом имплицитные реакции типа *все видеть*, безусловно,

детерминированы именно внутренней формой анализируемого слова-стимула: реципиенты извлекают генетическую семантику из структуры мотивата, которая получает свое продление в содержательно эквивалентной мотиватору лексеме *видеть*.

Второй динамический тип связан непосредственно с синхронно-функциональной детерминацией, он выражен такими выходами, как *смотреть за...* и супплетивными *следить, наблюдать за....* Нужно отметить, что названные выходы «конкурируют» с лексическими дериватами *присматривать, надсматривать*, что еще раз свидетельствует о самостоятельности лексико-мотивационного уровня. Эти ответы являются, на наш взгляд, снятием противоречий по линии функция – семантика – форма. В данном случае семантические свойства мотивата определяют выбор более выразительной в **функциональном** отношении формы. Еще раз в этом плане подчеркнем наличие асимметрических тенденций между словообразовательной и лексико-мотивационной подсистемами языка.

Слово-стимул *Наблюдатель*: А=51; Б= 50; В=45; (146)

- А) На то это и *наблюдатель*, чтобы...
- Б) - На старом месте его звали *наблюдатель*!
- Ну так что ж, это потому что...
- В) Что это за *наблюдатель*, если...

Г И З	Характер связи	
	Эксплицитные	Имплицитные
. П	<p>А) наблюдать (за порядком/ всеми/ чем-то/ со стороны за ходом событий и не влиять на них) – 36</p> <p>Б) он наблюдал (за всеми/ за кем-то/ любил наблюдать/ в его обязанности входило наблюдать за происходящими событиями) - 22</p> <p>В) если не наблюдает (не умеет/ не может наблюдать) – 15</p>	<p>А) *смотреть за (смотреть) – 1; видеть (все) – 2; замечать – 1</p> <p>Б) он все видел – 1; смотрел за происходящим и ничего не предпринимал – 1</p> <p>В) не видел (ничего); не заметил; не уследил; не смотрит (за происходящим) - 17</p>
	<p>А) 70,58%</p> <p>Б) 44,00%</p> <p>В) 33,33%</p>	<p>А) 7,84%</p> <p>Б) 4,00%</p> <p>В) 37,77%</p>
О с л	<p>А) ----</p> <p>Б) он любил вести наблюдения за всеми людьми - 1; он наблюдательный (очень, чрезвычайно) – 5</p> <p>*необычайно наблюдательный ко всем явлениям – 1</p> <p>он ревностно блюдет – 1</p> <p>В) если он не наблюдательный – 1</p>	<p>А) знать, что происходит в определенном ему участке; быть в курсе всех дел; оценить ситуацию; стоять здесь весь день; был порядок; не вмешиваться – 8</p> <p>Б) он всем интересовался; очень внимательный; он надзиратель; он любопытный – 6</p> <p>В) он слепой; невнимательный; пропустил такую важную деталь – 9</p>
	<p>А) 0,00%</p> <p>Б) 15,68%</p> <p>В) 2,22%</p>	<p>А) 15,68%</p> <p>Б) 12,00%</p> <p>В) 20,00%</p>
А	<p>А) –</p> <p>Б) –</p> <p>В) –</p>	<p>А) командовать – 1</p> <p>Б) а на новом он был преследователь; потому что законодатель; потому что милиционер; учиться надо было, а не гулять; потому что заседатель; а сейчас он просто столб – 6</p> <p>В) –</p>
	<p>А) 0,00%</p> <p>Б) 0,00%</p> <p>В) 0,00%</p>	<p>А) 1,96%</p> <p>Б) 12,00%</p> <p>В) 0,00%</p>
О т к	<p>А) 1 – 1,96%</p> <p>Б) 6 – 12,00%</p> <p>В) 2 – 4,44%</p>	

Смешанные типы:

А) *наблюдать, смотреть*

В) *ничего не наблюдает, видит*

Ядро слова стимула *наблюдатель* сформировано следующими семантическими компонентами «зрительное восприятие»; «следить за кем-то, вникая в ход чего-либо»; «осуществлять надзор». Базовый компонент, лежащий в основе ядра, – «зрительное восприятие»; является генетическим субстратом ядра, который в остальной его семантике обнаруживает разную степень актуальности и по-разному может быть в нем модифицирован. Поэтому ядро аморфно: названные компоненты могут совмещаться и взаимопереходить друг в друга. Семы зрительного восприятия актуальны в выходах: *видеть* – «воспринимать зрением», *проглядеть* и т.п. Безактантные реакции *смотреть* и *наблюдать* принадлежат, на наш взгляд, этому же множеству, но противопоставлены по семе «результативность» [см. Парадигматика, 1987, с. 47 – 52]. В этом плане смешанная реакция *наблюдать, видеть* носит для нас принципиальный характер. Модификаты множества «воспринимать зрением»:

А) *внимательный, наблюдательный (наблюдательный ко всем явлениям), от его зоркого глаза не ускользнула ни одна деталь.*

Отношение названных выходов к ядру подобно отношениям, которые характерны для слова-стимула *смотритель* (физическая возможность – возможность психического порядка).

К семантическому подмножеству «осуществлять надзор» относятся следующие реакции:

Б) *наблюдать за порядком, не уследил* и т.п.

Модификаты исходных сем «воспринимать зрением»:

А) *наблюдать за ходом событий со стороны и не вмешиваться в них; смотрел за происходящим и ничего не предпринимал; не вмешиваться.*

Данные реакции расширяют семантический объем ядра: на передний план выдвигаются содержательные компоненты, характеризующие характер протекания действия (подчеркивается пассивность).

Модификаты исходных сем «осуществлять надзор»: *чтобы был порядок; чтобы знать, что происходит в определенном ему участке; чтобы было потом с кого спрашивать; чтобы командовать*. Последняя реакция представляет собой переходный тип: она расположена на границе осложненного и ассоциативного типов по семантическому компоненту «распоряжаться». В этом плане к множеству «осуществлять надзор» примыкает реакция ассоциативного типа *милиционер*, очевидно совмещающая в себе семы «следить за порядком», «распоряжаться», командовать».

В детерминационном отношении интерес представляет реакция, представленная в контексте А, – *чтобы блюсти*. Она, на наш взгляд, является яркой иллюстрацией взаимодействия синхронно-функционального и генетического, формы и содержания. Генетическое, которое, как мы отмечали, имеет тенденцию к слиянию с внешней формой (причем в описываемом случае оно достаточно приближено к ней) в настоящем ответе, по нашему мнению, является суппозицией, предпосылкой для осуществления сугубо коммуникативных (в данном случае игровых) целей. Наглядной иллюстрацией относительной независимости формальных и содержательных суппозиций и их одновременной включенности в динамику становления процессов порождения речи является реакция *наблюдательный ко всем явлениям* (контекст Б). Данная реакция, на наш взгляд, представляет собой результат столкновения двух детерминационных линий: содержательной (об объективном присутствии которой говорит характер грамматического управления) и формальной (об этом свидетельствует продление формы *наблюдатель – наблюдательный*).

Слово-стимул **Целитель**: А)=47; Б)=51; В) =50 148

А) На то это и *целитель*, чтобы...

Б) - На старом месте его звали *целитель*!

- Ну так что ж, это потому что...

В) Что это за *целитель*, если...

Г И з	Характер связи	
	Эксплицитные	Имплицитные
П	А) целить – 2	А) лечить лечить (людей; от болезней/ от недугов); излечивать; оздоравливать – 20
	Б) он целил – 1	Б) *он лечил / вылечивал (людей/ всех); помогал людям, леча их; помогал людям избавиться от недуга; **лечил (своей силой; души людские; травами; без таблеток и хирургических вмешательств) *потому что он врач – 23
	В) он целить (не может; не умеет; никого не исцелил) – 3	В) *не умеет лечить (не лечит); ничем не помог; ** лечит не травами – 17
	А) 4,25% Б) 1,96% В) 6,00%	А) 42,50% Б) 45,09% В) 34,00%
О с л	А) Исцелять – 20	А) "чтобы попасть – 1
	Б) он исцелял (там; всех; многих) – 12	Б) помогал советом; он настоящий знаток своего дела; помогал всем бедным и нуждающимся; - 4
	В) исцелять не умеет – 9	В) ** не знает действия методов народной медицины; не разбирается в травах; не знает лекарственных растений; *? Уходит от сложной болезни; он сам умрет; он калечит; "все равно попадает мимо; "ее нельзя поразить; - 16
	А) 42,55% Б) 23,52% В) 18,00%	А) 2,10% Б) 7,84% В) 32,0%

А	А) – Б) – В) если не знает цели – 1	А) чтобы быть счастливым – 1 Б)**потом что он экстрасенс; ??ты не продумал всего основательно; потому что знали; там никто не знал его профессии; вредитель – 4 в) **если он не старый – 1
	А) 0% Б) 0% В) 2,1%	А) 2,10% Б) 7,84% В) 2,00%
Т	А) – Б) он исцелитель В) –	А) – Б) – В) –
	А) 0% Б) 2,1% В) 0%	А) 0% Б) 0% В) 0%

Смешанные: (эксплицитные / имплицитные):

А) *исцелять, лечить, подавать надежду;*

Б) *он исцелял и лечил;*

В) –

Ядро данного поля реакций организовано по омонимическому принципу. В этом отношении важно отметить, что внутренняя форма слова интегрирует два различных значения анализируемой лексики. В основе ядра лежат компоненты «лечить, восстанавливать здоровье» и «метиться, направляя оружие на кого-нибудь, что-нибудь». Остановимся на характеристике второго множества реакций. Очевидно, что к нему относятся следующие выходы: *чтобы попасть, если все равно попадет мимо, если ее нельзя поразить*. В принципе две первые реакции могут быть отнесены к простому типу, последняя же, несмотря на семантико-грамматические нарушения контекста, все же относится к названному множеству (актуален компонент «цель – объект»). К названному множеству может быть отнесена и безактантная реакция *целить*, которая интерпретируется нами и как принадлежащая множеству

«восстанавливать здоровье» (в этом плане она может быть представлена как Целить¹ и Целить²).²⁷

Второе множество организовано следующими выходами: *целить*¹, *исцелять*, *лечить*, которые являются членами синонимического ряда. Движение содержательных компонентов поля обнаруживает два направления: Эти направления можно наглядно проиллюстрировать следующими рядами лексем, которые организуют выходы: 1. *целить – лечить – врач* 2. *целить – лечить травами – не знает трав – экстрасенс*. Первое направление связано с синонимизацией немаркированной лексемы *лечить* с маркированным членом оппозиции *целить* (это выражено членами первого ряда). Второе – с выдвиганием на передний план маркированных компонентов названной оппозиции «лечить **нетрадиционными средствами**». Такое выдвигание обнаруживается уже в простых типах (см. табл.) и «усиливается» по мере их движения к осложненным и ассоциативным. В этом плане ассоциативная реакция *он экстрасенс* является своего рода пределом развития исходных содержательных компонентов (на наш взгляд, сюда же примыкает реакция *если он не старый*, которая может быть включена в это множество по следующей содержательной линии: *целитель – знахарь*). Такое содержательное распределение выходов позволяет нам говорить об имплицитном характере детерминации выходов *он экстрасенс*, *он не старый*. При этом мы опираемся на следующие факты. Данные выходы в содержательном отношении принадлежат множеству, в котором развивается компонент «нетрадиционные средства». Существует следующее расщепление: если выход организован опорными лексемами *целить / исцелять*, то компонент «нетрадиционные средства» не выражается, в противном случае, например, в ответах с опорной

²⁷ В содержательном плане выход *если не знает цели*, который, на наш взгляд носит игровой характер, соотносится с обоими семантическими множествами: взаимопритягивание по линии формы и отталкивание по семантической линии.

лексемой *лечить* названный компонент выражается²⁸. В этом отношении анализируемые выходы сохраняют специфическое содержание, выраженное во внутренней форме лексемы *целитель*, которое и является непосредственной детерминантой их появления. Сюда же относятся и выходы, в которых компонент «нетрадиционные средства» имеет свое выражение. Группа выходов под знаком *? в этом плане не может быть точно квалифицирована: она может принадлежать как первому, так и второму подмножеству. Выходы типа *ты не продумал всего основательно* квалифицированы нами как ассоциативные на основании того, что они являются контекстуально ориентированными (см. табл.).

Наличие двух конкурирующих между собой выходов *целить* и *исцелить* может быть объяснено следующим образом: лексема *исцелять* более частотна, поэтому лексико-мотивационные (а они вытекают прежде всего из самих процессов функционирования слова и из свойств его функционального кода: частотности, стилистической маркированности и т.п.) отношения начинают восприниматься как основные синхронно-функциональные отношения детерминации.

Слово-стимул *Зритель*: А=51; Б=51; В=50; (152)

А) На то это и *зритель*, чтобы...

Б) - На старом месте его звали *зритель*!

- Ну так что ж, это потому что...

В) Что это за *зритель*, если...

²⁸ В некоторых реакциях с опорной лексемой *лечить* компонент «нетрадиционные средства» не имеет своего выражения, но это уже связано с отдельной динамической линией в развитии анализируемого слова, где происходит своего рода конкуренция семантически близких слов, которые в некотором отношении выступают уже как синонимы

Г И З	Характер связи	
	Эксплицитные	Имплицитные
П	А) чтобы зреть –5	А) смотреть (кино; телевизор или ходить в театр) ??смотреть (видеть) ??увидеть слушать, видеть, критиковать ¹ смотрел и не принимал участия в происходящем; ¹ наблюдать со стороны и высказывать свою точку зрения; смотреть и оценить; оценить значение происходящего; слушать, оценивать и смотреть – 37
	Б) он зрит – 2	Б) он смотрел (представление); ходил в кинотеатр ² за всеми наблюдал ³ он все видит (много видел) ¹ он всегда был не при делах, просто смотрел; не участвует в событии, а просто бесцельно наблюдает; он только смотрел за происходящим со стороны – 21
	В) не зрит – 1	В) не смотрит; не смотрит и не слушает; *у него нет глаз; он слепой; не видит; если не смотрит на что-то или на кого-то; не умеет слушать; разговаривает во время представления; не может спокойно сидеть и слушать; жует жвачку, зевает во время представления; не уважает театр; - 42
	А) 9,80% Б) 3,92% В) 2,00%	А) 72,54% Б) 41,17% В) 84,00%
О с л	А) узреть – 1 Б) созерцать, лицезреть –2 В) –	А) – Б) всегда был не в действии, старался быть в стороне В) –
	А) 1,96% Б) 3,92% В) 0,00%	А) 0,00% Б) 1,96% В) 0,00%
А	А) – Б) –	А) – Б) он там живет; он на новом; он был на старом месте; потому что на новом он стал актером (теперь он на новом сам выступает); он ни в чем не участвовал, но все знал; он любитель; он там был – 10
	В) –	В) если хотя бы в душе не актер; если он себя не видит; если думает, что кино лучше книги – 3

	А) 0,00% Б) 0,00% В) 0,00%	А) 0,00% Б) 19,60% В) 6, 00%
Т	А) – Б) он зрителем и был – 3 В) –	А) чтобы быть им – 1 Б) – В) –
	А) 0,00% Б) 5,88% В) 0,00%	А) 1,96% Б) 0,00% В) 0,00%

Смешанные:

А) *смотреть (зреть)*;

Б) *он созерцает, смотрит.*

Ядро данного поля сформировано семантическими компонентами «зрительное восприятие» и «воспринимать интеллектуально и зрительно». К первому подмножеству принадлежат формально связанные реакции *чтобы зреть; потому что он зрит* и семантически связанные реакции *увидеть; смотреть (видеть); не видит; не смотрит на кого-то или на что-то*. К этому же подмножеству может быть отнесена и безактантная реакция *смотреть* (на основании наличия имплицитного выхода *смотреть (видеть)*) и реакции смешанного типа *смотреть (зреть)*. На уровне осложненных типов к данному множеству примыкают реакции *у него нет глаз, он слепой*. Ко второму множеству принадлежат выходы *смотреть телевизор, кино* и т.п. Дальнейшее развитие исходных компонентов идет в двух направлениях: образование спецификаций и расширение базовой семантики ядра. К первой линии принадлежат выходы с развитием семы «характер протекания действия» (подчеркивается его пассивный характер): *смотрел и не принимал участия в происходящем; наблюдать со стороны и высказывать свою точку зрения; он всегда был не при делах; всегда был не в действии, старался быть в стороне* и т.п. (в таблице данные ответы обозначены символом ¹).

Вторая линия, как мы уже отметили, формируется выходами «с расширением» и выводится из наличия в массиве реакций выходов смешанного типа: имплицитные (простые – осложненные) *смотреть и оценить; слушать, оценивать и смотреть* и т.п. В этом плане ядерные семантические компоненты обнаруживают своего рода условность (в каком-то смысле уходят на второй план, деактуализируются) по отношению к непосредственно выраженному в контексте содержанию (*зритель* не только смотрит кино, но и ходит в театр, уважает театр, слушает, оценивает, критикует и т.п.). К выходам подобного рода могут быть отнесены: *оценить значение происходящего; слушать* (конт. А), *он ходил в кинотеатр* (конт. Б); *не умеет слушать; разговаривает во время сеанса; не уважает театр* (конт. В) и т.п.

Остановимся на детерминационной характеристике поля реакций анализируемой лексемы. Прежде всего хотелось бы отметить, что процент эксплицитных выходов на слово-стимул *зритель* невысок, что объясняется, по нашему мнению, особенностями его внутрисистемных свойств: данный мотиват обладает достаточно низкой степенью мотивированности (корень стремится стать абсолютно связанным), с другой стороны, низкий потенциал обусловлен функциональной программой мотиватора (он малоупотребителен, функционально ограничен). Простые реакции эксплицитного типа представляют собой актуализацию генетического, которое преодолевается реакциями типа *созерцать, лицезреть* (по линии установления лексико-мотивационных отношений между словом-стимулом и реакцией), но оно носит ограниченный характер в связи с тем, что и данные лексемы находятся на периферии языковой системы.

Отметим, что специфицированное значение выражается и на уровне эксплицитных типов. Это представлено в реакции *созерцать* (созерцать – «рассматривать, пассивно наблюдать»), что, по нашему мнению, подтверждает предположение о значимости формально-семантических суппозиций в процессе функционирования слова.

Слово-стимул *Лекарь*: А=51; Б=50; В=51 152

- А) На то это и *лекарь*, чтобы...
- Б) - На старом месте его звали *лекарь*!
- Ну так что ж, это потому что...
- В) Что это за *лекарь*, если...

ГИз.	Характер связи	
	Эксплицитные	Имплицитные
П.	А) чтобы лечить – 41 Б) он лечил (хорошо; людей), помогал излечивать людей. – 25 В) не лечит (больных; людей; плохо лечит; не умеет лечить; одной таблеткой лечит и изжогу, и головную боль) - 22	А) ----- Б) он всех исцелял; потому что он врач (хороший врач). – 3 В) -----
	А) 80,39% Б) 50,00% В) 43,13%	А) 0,00% Б) 6,00% В) 0,00%

Осл.	<p>А) чтобы лекарить; Чтобы вылечить больного человека.-2</p> <p>Б) помогал излечивать людей; всех излечивал своими травами - 2</p> <p>В) не знает названия лекарств (если не знает этого лекарства; если нет лекарств) не может вылечить (самого себя; вылечить грипп не умеет) ½не может вылечить никого своими лекарствами если ничего не понимает в лечении если он калечит - 13</p>	<p>А)½ вправить вывих – 1</p> <p>Б) он знает многое в области целительного искусства; он пользовался народными средствами; он знал много целебных трав;); потому что он аптекарь; потому что он не пекарь он врач-самоучка; у него не было медицинского образования; работал в аптеке; часто по больницам бегал; ?? работал им (мест-осл) много знает. – 11</p> <p>В) если ничего не знает (если не знает для чего зеленка; не знает истории болезни пациента; не знает биологии и анатомии) в этом деле ничего не понимает; ничего не умеет; если он болеет; все больные, приходящие к нему умирают (если люди умирают); у него руки грязные; если шприца в руках никогда не держал; если тешит себя иллюзиями; если он не пекарь – 13</p>
	<p>А) 3,92%</p> <p>Б) 4,00%</p> <p>В) 25,49%</p>	<p>А) 1,96%</p> <p>Б) 18,00%</p> <p>В) 23,52%</p>
А.	<p>А) -----</p> <p>Б) -----</p> <p>В) -----</p>	<p>А) чтобы залазить в душу -1</p> <p>Б) потому что он много врал; там важное лицо был – 2</p> <p>В) -----</p>
	<p>А) 0,00%</p> <p>Б) 0,00%</p> <p>В) 0,00%</p>	<p>А) 1,96%</p> <p>Б) 4,00%</p> <p>В) 0,00%</p>
Отк.	<p>А) 3 – 5,88%</p> <p>Б) 6 – 12,00%</p> <p>В) 2 – 3,92%</p>	

Смешанные:

А) *лечить, вылечивать; лекарства прописывать, лечить – 2*

В основе (ядре) слова-стимула *лекарь* лежат семантические компоненты, которые являются ядерными также и для слов-стимулов *целитель* и *врач*. Модификации сем «лечить, восстанавливать здоровье», которые возникают по

мере развития исходных, ядерных компонентов помимо своего сходства с лексемой *целитель* обнаруживают и некоторую специфику. Для начала остановимся на реакциях, которые непосредственно принадлежат ядру анализируемого поля. К таким реакциям относятся все простые реакции эксплицитного типа, организуемые опорным предикатом *лечить*, а также семантические выходы *исцелять* (эта реакция является основой формирования второй линии развития, связанной с развитием сем нетрадиционности) и *он врач* (см. таблицу). Дальнейшее развитие поля во многом аналогично динамике поля реакций на слово-стимул *целитель*: первая линия связана с «синонимизацией» исходной лексемы со словом *врач*. К данной линии развития принадлежат следующие осложненные эксплицитные и имплицитные выходы: *не знает названия лекарств; не может вылечить; если вылечить грипп не умеет; если не знает, для чего зеленка; не знает историю болезни пациента*. Перечисленные выходы отнесены нами к названной линии развития на том основании, что в них обнаруживаются определенные спецификации, которые противопоставлены семам «непрофессиональность» (об оппозиции сем профессиональность-непрофессиональность см. далее). Вторая линия динамики поля связана с развитием сем «лечить **нетрадиционными средствами**». Названную линию представляют следующие выходы: осложненные / имплицитные – *он знает многое в области целительного искусства; он пользовался народными средствами* и т.п. С определенной степенью вероятности к данной линии мы можем отнести и формально связанную реакцию осложненного типа *не может вылечить никого своими лекарствами*. Подобная квалификация основана на том, что в выходе присутствует своего рода маркер, выраженный лексемой *свой* – «присущий только ему», поэтому вполне допустимо интерпретировать данный выход с содержательной точки зрения как «вылечивать специфическими, которыми пользуется именно данный человек, средствами» (при этом мы не отрицаем вероятность того, что данный выход принадлежит и первому названному нами

подмножеству, поэтому перечисленные выше реакции обозначены символом $\frac{1}{2}$). Подобным же образом может быть интерпретирован и выход *вправить вывих* (специфика самого действия позволяет это). Самостоятельную линию динамики (и это отличает динамику данной лексемы от динамики лексемы *целитель*) представляет оппозиция «профессиональный – непрофессиональный». Данная линия, с одной стороны, противопоставлена первой в параметре «степень профессионализма», второй - в параметре оценки: «негативная – позитивная». К этой линии относятся реакции *медицинского образования у него не было* и т.п. (безоценочная реакция), ассоциат *много врал* – оценочная.

В деривационно-детерминационном отношении обращает на себя внимание высокий процент выходов эксплицитного типа. Это может быть объяснено тем фактом, что текстовая сцепка *лекарь – лечить* может быть интерпретирована как семантическая, т.е. связь данных лексем в принципе не отличается от связи в сцепке *врач – лечить*. Данное утверждение подтверждается на уровне вспомогательных экспериментов, где реципиентам было предложено найти мотивирующее слово для исследуемых нами мотиватов. В этом плане лексема *лекарь*, по мнению информантов, является образованной от слова *лекарство*, определяя же значение этого слова, информанты толковали его через лексему *врач* (что служит еще одним свидетельством семантического характера связи *лекарь – лечить*). И в этой связи появление выходов типа *что это за лекарь, если не может **вылечить** никого своими **лекарствами*** представляется нам неслучайным. Такая реакция может быть интерпретирована как смешанная – имплицитная (первый компонент), эксплицитная (второй компонент). Нужно сразу оговориться, что не все реакции, имеющие на выходе опорную лексему *лечить*, могут быть признаны в качестве имплицитных, и оценка реального потенциала деривационного функционирования названной лексемы требует введения дополнительных критериев.

Слово-стимул *Свидетель*: А=43; Б=50; В=50; (143)

- А) На то это и *свидетель*, чтобы...
- Б) - На старом месте его звали *свидетель*!
- Ну так что ж, это потому что...
- В) Что это за *свидетель*, если...

Г и з	Характер связи	
	Эксплицитная	Имплицитная
П	А) ¹ видеть; доказать увиденное; рассказать, что видел; видеть, что делает другой человек – 9 ² свидетельствовать – 6 Б) ¹ видел (все/ что-то) – 14 ² свидетельствует о чем-л. – 2 В) не видел (ничего; не может рассказать о том, что видел – 17	А) смотреть; наблюдать за людьми и давать характеристику их поведению – 2 ² давать показания (и отвечать на вопросы) – 8 Б) он за всеми наблюдал; ² он давал показания - 2; В) ----
	А) 37,88% Б) 32,00% В) 34,00%	А) 23,25% Б) 4,00% В) 0,00%

О с л	<p>А) засвидетельствовать (происшедшее событие и потом рассказать); Освидетельствовать что-л. в какой-л. ситуации – 6 Свидеть – 1</p> <p>Б) он увидел убийство – 1</p> <p>В) -----</p>	<p>А) говорить правду; рассказать о происходящем; защищать людей; раскрыть истину; рассказать все как было; явиться на слушание дела – 8</p> <p>Б) у него было алиби, а сейчас обстоятельства изменились; он присутствовал на месте происшествия; *что бы не происходило, он всегда присутствовал при этом; он появлялся везде, где что-нибудь происходило; суется не в свои дела; везде успевал быть; ?? он там был; он был рядом – 10</p> <p>В) он слепой *его там не было; ничего не знает; ничего не помнит; если он мертв; если он врет; не хочет помочь пострадавшим; нет улик; если это самосуд; толком ничего не знает; не может ничего сказать конкретно; его не было на месте - 29</p>
	<p>А) 13,95% Б) 5,00% В) 0,00%</p>	<p>А) 18,60% Б) 20,00% В) 58,00%</p>
А	<p>А) ---- Б) ---- В) -----</p>	<p>А) он оттуда сбежал; он еще жив – 2 Б) ---- В) ----</p>
	<p>А) 0,00% Б) 0,00% В) 0,00%</p>	<p>А) 4,65% Б) 0,00% В) 0,00%</p>
Т	<p>А) чтобы быть свидетелем – 1 Б) он был свидетелем (его когда-то вызывали в суд и он там был свидетелем) – 7 В) –</p>	<p>А) – Б) он им и был (он этим и занимался) – 4 В) –</p>
	<p>А) 2,32% Б) 14,00% В) 0,00%</p>	<p>А) 0,00% Б) 8,00% В) 0,00%</p>
О т к	<p>А) 2,32% Б) 18,00% В) 2,00%</p>	

А) Засвидетельствовать (увидеть) событие; видеть и слышать; увидеть, донести в милицию - 3

В поле реакций слова-стимула *свидетель* можно выделить два основных семантических множества. Первое из них организуется семами «зрительное восприятие». К данному множеству принадлежат следующие выходы: *видеть* и все модификации этой реакции (*рассказать, что видел, видеть, что делает другой человек* и т.п.), *смотреть, наблюдать*. Второе множество организуется семантическими компонентами «давать показания», ему принадлежат выходы *свидетельствовать, давать показания (и отвечать на вопросы)*. Эти два семантических множества относительно независимы друг от друга (они как бы параллельны), в них воплощен иной принцип организации, нежели в уже проанализированных нами лексемах (на наш взгляд, они организованы по метонимическому принципу, по принципу смежности). Подобный принцип организации влечет за собой возможность совместного присутствия названных семантических компонентов в одном ответе (сюда относятся выходы типа: *он увидел убийство, увидеть, донести в милицию*).²⁹ На уровне осложненных типов чистым представителем первого семантического множества является выход *если он слепой* (контекст В). Остальные же реакции являются развитием исходной семантики второго семантического множества. Они представляют собой разного рода спецификации (уточнения) исходной ядерной семантики. К названным типам относятся следующие: *говорить правду, рассказать о происходящем, защищать людей, раскрыть истину, рассказать все как было, явиться на слушанье дела* (контекст А) (на передний план выдвигаются различные варианты компонента «цель»). *Он там был, он был рядом, он присутствовал на месте происшествия, у него было алиби, сейчас обстоятельства изменились* (конт. Б), *его там не было, ничего не знает, ничего не помнит, если он мертв* (конт. В). В данном случае на передний план выдвигаются компоненты, так сказать, связанные с условиями, которые необходимы для того, чтобы называться *свидетелем* (сюда же относятся

²⁹ Вероятно, что сами модификации множества с опорной лексемой *видеть* связаны именно с такой возможностью (см. *наблюдать за людьми и давать характеристику их поведению*).

реакции *если он врет, не хочет помочь пострадавшим, нет улик, если это самосуд* – контекст В). Реакции *чтобы не происходило, он всегда присутствовал при этом, суется не в свои дела* и т.п. являются развитием спецификации, которое вызвано семантикой анализируемой лексики и характером контекста. Ассоциативные выходы *«он оттуда сбежал», он еще жив*. Первый представляет собой контекстуально ориентированный выход, второй носит игровой характер.

В детерминационном отношении выходы *освидетельствовать, засвидетельствовать*, на наш взгляд, представляют собой контаминацию компонентов «зрительное восприятие» и «давать показания». В этом плане они интегрируются в форму, что доказывает возможность структурирующей ее роли по отношению к содержанию (обратное воздействие формы), и стремятся к выражению на лексико-мотивационном уровне. Особый интерес представляет реакция *На то это и свидетель, чтобы свидетель*, которая, по нашему мнению, является преодолением генетичности в ее структурно-формальном варианте (в данном случае элемент *-с-* представляет собой уже приставку).

Слово-стимул ***Очевидец***: А=51; Б=52; В=43 146

- А) На то это и *очевидец*, чтобы...
- Б) - На старом месте его звали *очевидец*!
- Ну так что ж, это потому что...
- В) Что это за *очевидец*, если...

ГИЗ	Характер связи	
	Эксплицитные	Имплицитные
П.	А) очами видеть – 6 Б) очами видел – 1 В) –	А) давать показания; наблюдать; замечать (все; вокруг) – 6 Б) В) не замечает ничего –1
	А) 11,76% Б) 1,92% В) 0,00%	А) 11,76% Б) 0,00% В) 2,32%
Осл.	А) а. видеть (все; хорошо; своими глазами) – 16 а ¹ увидеть (что-н. интересное; собственными глазами) – 7 а видеть, увидеть б очами смотреть, наблюдать – 1 б видеть очевидное; воочию видеть – 4 в предвидеть складывающуюся ситуацию; освидетельствовать; быть свидетелем – 4 Б) а он видел (какое-н. происшествие; все; много; сам; своими глазами) – 22 а увидел происшествие - 2 б он провидец – 1 В) ничего не видел – 22	А) чтобы быть самым первым в каком-л. деле; случайно заставить события – 3 Б) он все знал; был в курсе всего происходящего; он всегда был в нужном месте и в нужное время; всегда суется куда не нужно; он все время предсказывал – 8 В) он слепой; не может объяснить, что произошло; ничего не знает по делу; сидел под диваном – 14
	А) 64,70% Б) 48,07% В) 51,16%	А) 5,88% Б) 15,38% В) 26,92%
А.	А) очевидеть – 1 Б) очевидел – 1 В)	А) Б) он был слепой; на новом месте кадры уже не те – 2 В) он очень глупый; он не слеп- 2
	А) 1,96% Б) 1,92% В) 0,00%	А) 0,00% Б) 3,92% В) 4,65%
Т.	А) --- Б) он был очевидцем (происшествия) - 5 В) ---	А) --- Б) он им и был –1 В) ---
	А) 0,00% Б) 9,61% В) 0,00%	А) 0,00% Б) 1,96% В) 0,00%
Отк.	А) 11,76% (6) Б) 7,69% (4) В) 6,97% (3)	

Остановимся на более подробном описании выходов, формирующих поле реакций слова *очевидец*. В семантическом плане структура данного поля достаточно прозрачна: она определяется двумя основными линиями развития. Первая линия связана с развитием исходных, принадлежащих ядру семантических компонентов «зрительное восприятие», вторая – с «синонимизацией» данной лексемы с лексемой *свидетель*.³⁰

Обращает на себя внимание большое разнообразие эксплицитных ответов. Оно может быть объяснено тем, что данная лексема является сложным словом. Поэтому присутствуют смешанные ответы, в которых один компонент представляет собой эксплицитно выраженную связь, другой – имплицитно (ср. *очами смотреть; видеть своими глазами*). Присутствие названных ответов связано с установлением баланса детерминант (коммуникативного / отражательного; генетического / синхронно-функционального).

Например, выходы *очами видеть* занимают небольшой процент от общего количества и обусловлены генетически (в его отражательном варианте). Преодоление генетического идет по двум направлениям. Первое из них представлено ответами типа *видеть очевидное; воочию видеть*, где морфемная структура данного слова обуславливается прежде всего формально-семантически (а через семантическую связь и функционально) более прозрачными в семантическом плане и более частотными в функциональном плане лексемами. Реципиенты как бы пытаются сохранить двукомпонентность структуры и наполняют ее синхронно-функциональным содержанием. В этом плане отражательные свойства ВФС сохраняют свою актуальность, которые заключаются в этимологическом к ней доверии, но вместе с тем в данные примеры иллюстрируют и ее условную природу (структура сохраняется, но в

³⁰ В этом плане реакции типа *чтобы быть свидетелем* вряд ли могут быть интерпретированы как связанные детерминационными отношениями с исходным словом-стимулом. Скорее всего названные отношения носят парадигматический характер и устанавливаются на основе семантических компонентов значения. Поэтому мы не будем учитывать такие ответы при количественном измерении реализации деривационного потенциала описываемой лексемы.

преобразованном виде, что предполагает момент отвлечения от собственно отражательного ее плана).

Второе направление связано с выходами *видеть*; *увидеть*. В процентном отношении данный тип реакций является самым большим. Данные выходы представляют собой усиление внутриязыковой детерминации, которое может быть описано формулой: одно слово детерминирует другое. В этом отношении подобные выходы представляют собой своего рода поиск опорного слова (причем между собой конкурируют лексемы *очи* и *видеть*). Отношения детерминации при этом стремятся к типовым мотивационным отношениям: *видеть* – *очевидец*, *очи* – *очевидец*, что предполагает определенное движение к условности. Такое движение может привести к «морфемизации» какого-то из компонентов данного слова и превращению его в специализированное средство деривации (ср. *садовод*).

Слово-стимул **Врач**: А=43; Б=48; В= 51 (142)

- А) На то это и *врач*, чтобы...
- Б) - На старом месте его звали *врач*!
- Ну так что ж, это потому что...
- В) Что это за *врач*, если...

Г И з	Характер связи	
	Эксплицитные	Имплицитные
П -	А) ----- Б) ----- В) -----	А) чтобы лечить (больных людей; знать как лечить; от болезней); вылечить – 37 Б) потому что он лечил (людей; больных) – 18 В) не лечит (людей; не умеет лечить); не вылечивает – 26

	<p>A) 0,00%</p> <p>B) 0,00%</p> <p>B) 0,00%</p>	<p>A) 86,04%</p> <p>B) 37,50%</p> <p>B) 50,98%</p>
О с л	<p>A) ---</p> <p>B) потому что он палач – 1</p> <p>B) ---</p>	<p>A) выслушать историю болезни; пытаться открыть глаза больному; чтобы выписывать рецепт; ● чтобы много знать, но толку от него никакого; – б</p> <p>B) он помогал больным людям; работал в больнице; потому что это его специальность; он умел поддерживать людей морально; он понимает в медицине; у него была такая профессия; он когда-то закончил медучилище; он выписывал лекарства;</p> <p>он не специалист в своем деле; он врач, который не умеет лечить; он не врач; он людей калечил;</p> <p>он много знает; он лекарь; его отец был врач; он заслужил это название – 19</p> <p>B) если</p> <p>он ничего не умеет делать; не знает что такое ангина; не сумел сделать операцию; не может поставить правильный диагноз; крови боится; на самом деле вовсе не думает о своих пациентах; он калечит; любит спать во время операции; не знает своего дела; не понимает, что от боли в голове не помогают таблетки от желудка; не любит людей; не моет руки перед вызовом; не избавляет людей от их болезней; не может помочь больному – 22</p>
	<p>A) 0,00%</p> <p>B) 2,08%</p> <p>B) 0,00%</p>	<p>A) 13,95%</p> <p>B) 39,58%</p> <p>B) 43,13%</p>
А	<p>A) ---</p> <p>B) потому что он грач – 1</p> <p>B) ---</p>	<p>A) ---</p> <p>B) потому что глупо – 1</p> <p>B) себя не помнит – 1</p>
	<p>A) 0,00%</p> <p>B) 2,08%</p> <p>B) 0,00%</p>	<p>A) 0,00%</p> <p>B) 2,08%</p> <p>B) 1,96%</p>
О т к	<p>A) 0,00%</p> <p>B) 16,66% (8)</p> <p>B) 0,00%</p>	

Смешанные:

A) *лечить и давать советы, способствующие выздоровлению;*

б) –

в) *не лечит, а калечит.*

Ядро поля анализируемой лексемы сформировано семантическими компонентами «восстанавливать здоровье». Это наглядно иллюстрируется

простыми типами, которые представлены семантически связанными реакциями (*лечить; вылечивать*). По мере движения (развития) поля обнаруживается расщепление ядерных компонентов содержания. На уровне осложненных типов можно выделить следующие семантические подмножества, связанные с развитием семы «профессия» – нейтральный и маркированный по наличию оценочного компонента в содержании. К первому относятся следующие реакции: *выслушать историю болезни, выписывать рецепты* и т.п. В таблице данные классы обозначены символом •. Ко второму подмножеству принадлежат реакции *потому что он калечит, он врач, который не умеет лечить* и др. отмеченные символом●. Данные реакции обусловлены энергетикой контекста, который может провоцировать восприятие слова-стимула как «слова в кавычках». Ко второму подмножеству можно отнести и формально связанную реакцию *потому что он палач*. Данная реакция, безусловно, принадлежит к подтипу с негативной оценкой и находится на грани осложненных и ассоциативных классов.

В детерминационно-деривационном отношении обращает на себя внимание отсутствие ответов, обусловленных ВФС. Этот факт объясняется тем, что анализируемое слово в современном русском языке тяготеет к демотивированным лексемам, и связь ее со словом *врать* в силу различного рода причин (структурных и семантических) принадлежит, на наш взгляд, к фактам истории языка. Но, несмотря на это, данное слово, точнее говоря, его формальный план обладает определенным потенциалом функционирования, что наглядно иллюстрируют эксплицитные реакции, появившиеся в контексте Б (*потому что он палач, потому что он грех*). Это подтверждает исходное положение об относительной независимости формы от содержания и о возможности их взаимодействия.

Подведем некоторые итоги. Нужно отметить, что обобщенная структура графов (таблиц) и лингвистическая интерпретация их строения, а также интерпретация отношений между выделенными классами позволили нам выделить несколько детерминационных линий описания. Например, качественное и количественное сопоставление простых, осложненных и ассоциативных типов позволяет нам выделить статико-динамическую линию описания. Количественное соотношение названных типов может быть представлено в следующей таблице:

Тип выходов	Характер связи		
	Эксплицитная и имплицитная	Эксплицитная	Имплицитная
Простые	56,35%	33,03%	23,32%
Осложненные	26,67%	9,23%	17,44%
Ассоциативные	4,26%	0,34%	3,83%

Представленная таблица показывает, что общее количество простых типов в среднем составляет больший процент по сравнению с осложненными и ассоциативными. Оппозиция статика / динамика связана с такими оппозициями, как система / функционирование, отражательное / языковое. Например, процентное преобладание простых типов является показателем регулятивных возможностей языка, его потенций самодетерминации. Особо отметим, что в этом отношении нет никаких принципиальных отличий в массиве представляющем собой формально связанные и семантически связанные реакции. Сопоставление же графов по параметру «характер связи» позволило нам выделить линию «детерминация формой – детерминация содержанием».

Форма – содержание. Сопоставление ветвей графов по признаку «наличие – отсутствие» связи по форме дает изоморфное в структурном отношении устройство полей реакций (в динамическом плане формальные и семантические поля стремятся к своим ассоциативным пределам). Наличие такого изоморфизма³¹, на наш взгляд неслучайно: оно свидетельствует о том, что формальные типы не выключены из общезыковой динамики и воплощают в себе потенции саморазвития формальной стороны лексики, которая посредством внутренней формы тесно связана с ее семантической сферой (ВФС является синтезирующим принципом – принципом приведения материальной и содержательной сторон знака в динамическое равновесие). Более того, формальные и семантические типы в функциональном плане являются конкурирующими между собой. Названное положение подтверждается наличием смешанных типов в параметре «характер связи»: возможность присутствия в одном ответе различно связанных реакций говорит о том, что они являются равноправными, функционально эквивалентными заполнителями семантико-синтаксических позиций контекста. Более глубинный уровень отношений между названными типами, на наш взгляд, вскрывают смешанные типы синкретического характера: они являются иллюстрацией возможности взаимоперехода формы в содержание. Так, реакция *наблюдательный ко всем явлениям*, очевидно, была обусловлена столкновением двух детерминационных факторов: содержательным (объективность данного факта подтверждается характером грамматического управления) и фактором формального порядка (об этом свидетельствует продление формы *наблюдатель – наблюдательный*).

Различие в динамике названных типов выражается в количественном соотношении простых, осложненных и ассоциативных типов. Из таблицы видно, что по мере удаления реакций от исходного ядра (его представляют

³¹ Изоморфизм наблюдается не только на уровне структуры полей, формальные и семантические реакции обнаруживают подобие и в функциональном плане. В данном случае речь идет о том, что семантические компоненты (равно как и содержательные компоненты, выраженные во внутренней форме) обнаруживают своего рода условность. Например, *зритель* – это не только тот, кто смотрит фильм, но и тот, кто критикует, оценивает и т.п.

простые типы) соотношение эксплицитных и имплицитных типов заметно меняется. Если в процентном отношении количество простых типов (эксплицитных и имплицитных) представляется приблизительно одинаковым (разницу составляют 10%), то количество осложненных имплицитных выходов превосходит количество эксплицитных почти в два раза, а количество ассоциативных выходов имплицитного типа превосходит количество эксплицитных выходов подобного же типа уже в одиннадцать раз. Это, на наш взгляд, подтверждает тот факт, что семантика в динамическом плане ведет себя более активно (она более подвижна), чем «форматика» (для включения морфемно-мотивационного плана порождения требуются специальные условия), что, впрочем, полностью не исключает последнюю из общеязыковых динамических процессов. Например, невозможно однозначно сказать, что явилось движущей силой порождения выхода *что это за каратель, если не может укорить*³² *кого-то в чем-то содеянном*, – формальная или семантическая близость данных лексем (наличие здесь обоих планов, как нам представляется, объективно и не вызывает сомнений) – названные факторы скорее действовали одновременно, и речь может идти только о степени влияния того или иного (ср. также пример выше). Думается, что степень влияния формы в данном случае оказалась более высокой. В этом отношении между формой и содержанием действует принцип обратной связи. Более наглядно это утверждение, по нашему мнению, иллюстрируют реакции типа *На старом месте его звали врач. Ну так что ж, это потому что он грач (палач)*» и т.п. Такие выходы свидетельствуют о том, что форма в потенции несет в себе определенный функциональный заряд и полностью не выключена из процессов порождения речи.

Другая причина таких количественных показателей, несомненно, связанная с уже названной, восходит к различному отношению формы и

³² Слово *укорить* в анкете было написано с орфографической ошибкой (*укарить*), что, на наш взгляд, не является случайным.

содержания, к антиномии внеязыковое (отражательное) / языковое (условное). Выраженность вообще предполагает большую степень оязыковления, и вследствие этого форма оказывается обращенной внутрь системы, семантика же приближена к внеязыковому – это и определяет ее подвижность. В этом отношении форма как бы «не успевает» за текучестью семантики. Но в ядре данные планы стремятся к изоморфному соответствию. Например, преобладание реакций *видеть* на слово-стимул *очевидец*, появление реакций *надсматривать* на слово-стимул *смотритель* свидетельствует о наличии такого рода стремления. Формальный план в данном случае приспособляется к плану функционально-семантическому. Нужно отметить, что и в данном случае действует принцип обратной связи. Так, например, в семантическом отношении лексемы *целить* и *исцелять* представляют собой абсолютные синонимы и именно формальный план оказывается, на наш взгляд, решающим в вытеснении отношений *целитель* – *целить* отношениями *целитель* – *исцелять* (*исцелять* представляет собой более частотную **форму**, нежели *целить*, и стилистические различия между названными лексемами представляются нам производными именно от этого фактора).

Наличие стремления к изоморфному соответствию в ядре можно объяснить, на наш взгляд, (само)регулятивными свойствами языка. Относительная стабильность языкового ядра обеспечивает успешность коммуникации: связывает между собой говорящего и слушающего, форму и содержание, функциональные и внутрисистемные свойства языковых единиц (подчеркнем, что это ни в коем случае не является свидетельством их полного тождества) и т.п. Данный тезис глубоко пересекается с представлениями о том, что деривационное функционирование – функционирование с **модификацией**, функционирование **старого**, деривационное функционирование **отражает некое единство позиции говорящего и слушающего** [Голев, 1995, с. 21]. Бесспорно, что саморегуляция присутствует и в области семантики, но ее сопротивляемость внешним факторам оказывается ниже, что в конечном итоге

и объясняет ее большую подвижность. Форма же по отношению к внешнему представляется более устойчивой (ее связь с внешним более опосредована), что в свою очередь обуславливает то, что она оказывается менее активной на периферии (имеются в виду крайние динамические (ассоциативные) типы). В крайних динамических точках функционирование формы носит осложненный коммуникативный характер. Из эксперимента видно, что ассоциативные реакции эксплицитного типа преимущественно выполняют суггестивную функцию. И в этом отношении форма приближается к внешнему (непосредственному), что опять-таки, на наш взгляд, свидетельствует о тенденции взаимоперехода формы в содержание.

Потенциал деривационного функционирования мотиватов.

Потенциал деривационного функционирования мотиватов может быть представлен в следующей таблице:

Лексема	Тип выхода							
	Простые		Осложненные		Ассоциативные		Обще кол-во	
	Экспл.	Импл.	Экспл.	Импл.	Экспл.	Импл.	Эк.	Им.
ЛЕКАРЬ	57,89%	1,97%	12,5%	14,47%	0,00%	1,97%	69,07%	22,22%
НЕВИДИМКА	68,08%	12,5%	0,69%	6,25%	0,00%	4,16%	68,75%	22,9%
ОЧЕВИДЕЦ	4,79%	4,79%	54,79%	17,12%	1,36%	2,73%	60,94%	25,34%
НАБЛЮДАТЕЛЬ	50,00%	15,75%	6,16%	15,75%	0,00%	4,79%	56,16%	36,29%
КАРАТЕЛЬ	37,41%	26,47%	3,59%	30,21%	0,71%	2,15%	41,71%	39,56%
СМОТРИТЕЛЬ	35,33%	19,33%	5,33%	12,00%	0,00%	3,33%	40,66%	35,33%
СВИДЕТЕЛЬ	33,56%	8,39%	4,89%	32,86%	0,00%	1,39%	37,06%	45,45%
ЦЕЛИТЕЛЬ	31,75%	40,54%	0,00%	14,18%	0,67%	4,05%	32,43%	58,77%
ЗРИТЕЛЬ	5,26%	65,78%	1,97%	0,65%	0,00%	25,0%	7,23%	75,65%
ВРАЧ	0,00%	57,04%	0,70%	33,09%	0,70%	1,40%	1,4%	91,54%

Результаты, представленные в таблице, в целом подтвердили исходное предположение о наличии корреляционной зависимости между структурно-семантическими параметрами мотиватов и их функциональными возможностями. Еще раз подчеркнем, что такая зависимость не носит характера прямой функциональной, но представляет собой связь вероятностно-статистического плана, этот факт обусловлен относительной

самостоятельностью членов антиномии система / функционирование, каждый из которых имеет свои специфические источники детерминации и формирования. В этом аспекте более подробно рассмотрим количественные параметры, характеризующие данные эксперимента.

Обращает на себя внимание высокий процент реакций с опорой на ВФС у таких слов, как *невидимка* (74,9%), *лекарь* (70,39%), *очевидец* (60,94%). Остановимся на подробной интерпретации названных фактов. Самым высоким деривационным потенциалом обладает слово *невидимка*, хотя степень его мотивированности ниже, нежели у слова *наблюдатель* (оно более идиоматично, погружено в лексический план).

Но идиоматичность, по нашему мнению, в данном случае при достаточно яркой структуре (очевидно, что в структурном плане морфема *не-* является достаточно сильным элементом и продуктивным словообразовательным формантом) порождает определенную маркированность, образность, что и является фактором, определяющим именно такой процент эксплицитных выходов. ВФС в данном случае входит в противоречие с актуальными невыраженными компонентами содержания, такая противоречивость является своего рода актуализатором, оживляющим ее. Причем еще раз отметим, что мотивировочный признак в данном случае играет своего рода структурирующую роль по отношению к содержательным компонентам. Он в каком-то отношении обязателен при организации выходов («человек, которого не видят, потому что он незаметен» – развитие метафорического переноса на базе мотивировочного признака; «невидимка - заколка, которую не видно») и т.п.

Как мы уже отмечали, высокий процент выходов деривационного типа в контекстах со словом-стимулом *лекарь* может быть объяснен тем фактом, что текстовая сцепка *лекарь – лечить* может быть интерпретирована как семантическая, т.е. связь данных лексем в принципе не отличается от связи в сцепке *врач – лечить*. Напомним, что не все реакции, имеющие на выходе

опорную лексему лечить, могут быть признаны в качестве имплицитных, и оценка реального потенциала деривационного функционирования названной лексемы требует введения дополнительных критериев. Одним из таких критериев может являться количественное соотношение характера функционирования слов в лексико-деривационных контекстах с количественными данными вспомогательного эксперимента. Представим такое соотношение в следующей таблице:

Лексема	Тип эксперимента		Коэффициент корреляции
	Ассоциативный	Вспомогательный	
	Кол-во	Кол-во	
НЕВИДИМКА	68,75%	98,03%	0,7
ЛЕКАРЬ	69,07%	60%	1,15
ОЧЕВИДЕЦ	60,94%	93,75%	0,65
НАБЛЮДАТЕЛЬ	56,16%	80%	0,70
КАРАТЕЛЬ	41,71%	90%	0,46
СМОТРИТЕЛЬ	40,66%	94%	0,43
СВИДЕТЕЛЬ	33,56%	100%	0,33
ЦЕЛИТЕЛЬ	32,43%	90,19%	0,35
ЗРИТЕЛЬ	7,23%	86,04%	0,08
ВРАЧ	0%	14%	0

Обращает на себя внимание прежде всего то, что коэффициент отношения между данными ассоциативного и вспомогательного эксперимента для всех слов, исключая слово-стимул *лекарь*, оказался меньше единицы. По нашему мнению, именно такое распределение величин оказывается естественным (во вспомогательном эксперименте активно задействованы метаязыковые рефлексии реципиентов, поэтому процентный выход эксплицитных реакций оказывается более высоким). Обратное же отношение данных числовых показателей у слова-стимула *лекарь* свидетельствует о том, что компонент «лечить» может быть невыраженным в его ВФС (еще раз напомним, что одной из динамических линий, формирующих семантику данного слова, является процесс его синонимизации со словом *врач*, добавим,

что в процентном отношении слово *лекарь* во вспомогательном эксперименте уступает всем словам, за исключением слова *врач*). На основании этих данных можно вывести средний коэффициент корреляции между количественными данными ассоциативного и вспомогательного экспериментов – он составляет число 0,41 / 0,5. Отсюда получаем приблизительную оценку реализации деривационного потенциала лексемы *лекарь*. Она варьируется в диапазоне 24,6% – 29,1%, таким образом, данная лексема на шкале деривационного функционирования расположена несколько выше лексемы *зритель* (естественно, и лексемы *врач*, которая обладает нулевым потенциалом) и уступает всем остальным словам-стимулам, что не опровергает нашу исходную гипотезу.

Высокий процент реакций на слово-стимул *очевидец* может быть объяснен тем, что это сложное слово. Сложное слово может быть противопоставлено обычному мотивату в следующем отношении: в генетическом аспекте роль абсолютного плана мотивации при создании сложного слова представляется гораздо значительнее, нежели при создании типового мотивата (ср. точку зрения о том, что сложные слова представляют собой свернутые словосочетания). Структура сложного мотивата, восходящая к соединению нескольких полнозначных слов, способна долгое время сохранять исходные генетико-отражательные суппозиции, приведшие к его появлению, что и определяет их активность (даже в нашем случае, несмотря на стилистическую маркированность и то, что компонент, восходящий к лексеме *очи*, находится на периферии языковой системы, генетическое все-таки реконструируется). Условный план таких мотиватов (наличие в них плана условности несомненно) создает предпосылку для их движения в сторону типовых мотивационных отношений, которая сопровождается деривационной специализацией одного из компонентов, его переходом в разряд деривационных морфем; данная линия развития предполагает, вероятно, на определенном этапе конкуренцию компонентов между собой, конкуренция же

порождает разнообразие вариантов. Увеличивает такое разнообразие взаимодействие (точнее было бы сказать взаимоотталкивание) названных линий, что и определяет количество эксплицитных ответов на слово-стимул *очевидец*.

Особый интерес представляет реализация деривационного потенциала у слова *целитель*. На этой шкале в ряду одноструктурных мотиватов оно не уступает только слову *зритель*. Этот факт противоречит в каком-то отношении исходной гипотезе работы. Действительно, данное слово обладает более высокой степенью членимости, нежели лексема *свидетель*, менее высокой степенью идиоматичности, нежели слово *смотритель*, по отношению же к слову *каратель* (сравниваемые лексеммы обладают одинаковой степенью членимости и идиоматичности) слово *целитель* обладает большим потенциалом ввиду того, что мотиватор представляет собой маркированную в функциональном отношении лексему. Последнее утверждение требует оговорить тот факт, что маркированность в функциональном плане может носить как прогрессивный (способствовать функционированию), так и регрессивный характер (ср. со словом-стимулом *зритель*). И в этом плане мотиватор *целить* относительно регрессивен, находится на периферии языковой системы, представляет собой малочастотную лексему, потому-то он и заменяется более активной в синхронно-функциональном отношении лексеммой *исцелять*, в этом, по нашему мнению, проявляется его относительная регрессивность: генетически он обладает достаточно высоким потенциалом, ВСФ данного мотивата до конца еще не слилась с формой, и вследствие этого такая регрессивность оказывается как бы прогрессивно направленной. Последнее утверждение не противоречит квалификации данного мотивата, представленной нами выше, но вскрывает несколько иной ее аспект. При таком подходе как движение данного мотивата по шкале деривационности «вниз», так и его движение вверх в принципе имеет свои основания, связанные с борьбой генетического / синхронно-

функционального. Например, нами были описаны два направления динамики данного слова:

1. Синонимизация с лексемой *врач* (в данном случае ВФС – генетический элемент, имеющий регрессивную направленность).
2. Развитие синхронно-функционального эквивалента *исцелять* (генетическое как суппозиция синхронно-функционального – прогрессивная направленность генетического).

Попытаемся дать более адекватную оценку степени деривационности слова-стимула *целитель*.

Для начала отметим, что при установлении коэффициента деривационного потенциала мы не учитывали ответы, в которых детерминация ВФС носила имплицитный характер (что предполагает активное участие ВФС в процессах порождения речи), для анализируемой лексики количество названных ответов представляется довольно высоким. Если учесть данное положение, то коэффициент деривационного потенциала слова-стимула *целитель* оказывается равным 43,24%, и тогда слово-стимул *целитель* оказывается на шкале степеней деривационности после слова-стимула *наблюдатель*. Последовательно требуется учесть этот фактор и при установлении степени деривационности названных лексем. Учитывая это, получаем: *смотритель* – 52%, *каратель* – 43,16%, *свидетель* – 42,60%, тогда данные лексем по убыванию в них деривационного потенциала располагаются следующим образом:

1. *смотритель* – 52%
2. *целитель* – 43,24%
3. *каратель* – 43,16%
4. *свидетель* – 42,6%

Такое расположение оказывается на наш взгляд неслучайным, оно прежде всего, как нам представляется, обусловлено неоднородностью и разноплановостью протекания деривационных процессов на оси названных

выше антиномий. Так, процентное количество деривационных выходов на слово-стимул *смотритель* обусловлено актуализацией и выдвиганием на передний план генетической семантики, на глубинном уровне (*смотреть*¹ – *смотреть*² – *смотритель*) выраженной в его ВФС, отождествлением ее с синхронно-функциональным планом слова, и за счет воздействия генетического реализация потенциала деривационного функционирования данного слова повышается.

Обращает на себя внимание, что количественные различия в группе *целитель* – *каратель* – *свидетель* оказываются незначительными. Как мы считаем, данный факт обусловлен несколькими причинами:

1. Деривационный потенциал слова-стимула *каратель* формируется за счет развития спецификаций (что опять-таки способствует увеличению, реакций, связанных с детерминирующими возможностями ВФС), такое развитие невозможно для лексемы *целитель*, так как, как мы постарались доказать, компонент «нетрадиционные средства» оказывается выраженным в ВФС данного слова.

2. Особого внимания в этом отношении заслуживает слово-стимул *свидетель*, которое, как мы уже сказали, обладает ограниченной формальной членимостью (в другом аспекте идиоматичностью) (непонятен статус отрезка - *с-* ?). Данный случай наглядно иллюстрирует борьбу противоречий формы / содержания, системного / функционального в языке (вышеописанные случаи не исключают такой борьбы; так, развитие спецификаций у лексемы *каратель* в каком-то отношении сдерживаются формально-деривационной структурой данного слова, в результате появляется новая дискретная лексема *карать*, имеющая значение «осуществлять расправу, жестоко убивать», таким же образом может быть и проинтерпретировано деривационное развитие лексемы *смотритель*, в развитии которой задействован фактор **формально-генетический** (значение слова отождествляется с его внутренней формой), и затем переносится на функциональные свойства слова). Характер выходов на

слово-стимул *свидетель* говорит о том, что формальный статус данного отрезка оказался нерелевантным при порождении экспериментальных реакции. Это свидетельствует о том, что семантические связи (ориентированные на форму) играют ведущую роль в процессах деривационного функционирования. И само порождение означающего связано семантикой, прагматикой становящегося означаемого. Это создает предпосылки для комбинирования, выбора означающего в процессе порождения речи, для отвлечения от каких-то его несущественных сторон, несущественных с точки зрения конкретного коммуникативного задания. Функционирование создает предпосылку для того, чтобы пара *видеть – свидетель* представляла в формально-семантическом аспекте нормальную мотивационную пару (ср. образование промежуточного лексико-мотивационного уровня языковой системности). Сразу отметим, что представление о доминировании в данном случае семантики все-таки односторонне. Форма и в данном описываемом случае оказывает на нее обратное воздействие. Примером этому может служить следующий выход: *На то это и свидетель, чтобы свидетель*; очевидно, что в данном случае отрезок *-с-* представляет собой приставку. Как мы уже отмечали, исследуемый пример наглядно иллюстрирует диалектику формы / содержания (*-с-* не более чем форма, но вместе с тем он и потенциальная приставка, обладающая своим значением), системы / функционирования (разрыв семантической структуры – результат функционирования; приведение их к определенному единству – также результат функционирования, но функционирования, связанного с сильным воздействием деривационной подсистемы языка).

В структурно-семантическом аспекте в плане силы деривационного потенциала, по нашему мнению, лексема *свидетель* уступает и слову *зритель* (у последнего более прозрачная формальная структура), и в принципе данное слово должно было бы иметь меньший коэффициент деривационности. Основным источником, породившим именно такое положение описываемых мотивов, как нам представляется, является фактор, определяющийся линией

функционального порядка: мотиватор *зреть* представляет собой маркированную лексему, причем его маркированность носит в отличие маркированности, представленной в мотиваторе *целитель*, именно регрессивный характер (опять-таки данное слово находится на периферии системы языка, оно мало частотно, но в отличие от лексемы *целитель* отсутствуют мощные источники преодоления генетичности данного мотивата: такое преодоление представлено спорадическими примерами (*лицезреть*, *созерцать*). Данные слова сами представляют собой ограниченные в функциональном плане лексические единицы.

Выводы

1. Описанные выше факты в основном подтвердили исходную гипотезу о том, что потенциал деривационного функционирования мотиватов находится в отношениях вероятностно-статистической корреляции с его внутрисистемным положением (степенью мотивированности).

2. Внутренняя форма слова в функциональном отношении не выключена из процессов языко-речевой динамики. Данное положение подтверждается, с одной стороны, тем, что реакции с опорой на ВФС представляют собой относительно независимую линию функционирования слова (линию его развития, в массиве реакций на слово-стимул определяемую наличием связи эксплицитного типа между словом-стимулом и реакцией), с другой – наличием определенного изоморфного соответствия семантического и формально-семантического развития слова (выходы ассоциативно-деривационного эксперимента стремятся к ассоциативным пределам развития), а также тем обстоятельством, что эксплицитные и имплицитные типы в функциональном плане являются конкурирующими между собой. Последнее положение подтверждается наличием смешанных типов в параметре «характер связи»: возможность присутствия в одном ответе различно связанных реакций говорит

о том, что они являются равноправными, функционально эквивалентными заполнителями семантико-синтаксических позиций контекста.

3. В динамическом отношении семантика обнаруживает большую степень подвижности, нежели форма. Данный факт обусловлен различным отношением названных двух срезов языковой системы по отношению к антиномиям коммуникативное / отражательное, синхронно-функциональное / генетическое.

4. Семантические связи (ориентированные на форму) играют ведущую роль в процессах деривационного функционирования слова. Порождение означающего связано с семантикой, прагматикой становящегося означаемого. Это создает предпосылки для своеобразного приспособления означающего к становящемуся означаемому в процессе порождения речи, для отвлечения от каких-то его несущественных с точки зрения конкретного коммуникативного задания сторон. При этом в процессах функционирования мотиватов собственно формальная их сторона способна оказывать обратное воздействие на деривационное развитие слова.

5. Своеобразным снятием противоречия между системным положением и функционированием мотивата (в другом аспекте – его функциональными характеристиками) является тенденция к установлению особого типа отношений – отношений лексико-мотивационного порядка, которые формируются и являются результатом деривационного функционирования слова.

Заключение

В настоящей работе предпринята попытка описания взаимодействия внутрисистемного положения мотивата с процессами его речевого функционирования. При этом мы исходили из гипотезы, что онтологические свойства мотиватов (степень их мотивированности) являются фактором, обуславливающим процессы их функционирования: мотиваты, обладающие различной степенью мотивированности, в деривационном отношении будут вести себя по-разному. При этом мы старались показать, что взаимоотношение системных и функциональных (в деривационном плане) свойств слова не носит характера прямой функциональной зависимости, но представляет собой связь вероятностно-статистического плана. Данное положение основано на том, что члены антиномии система / функционирование при всем стремлении их к единству остаются относительно самостоятельными. Исследования, посвященные названной проблеме, выполнены в лексикоцентристском аспекте. Настоящий аспект описания противопоставлен, с одной стороны, контекстоцентристскому подходу к проблеме деривационного функционирования слова, и поэтому в центре внимания настоящего исследования оказывается **слово** как источник и носитель потенций своего деривационного развития, с другой – морфемоцентристским дериватологическим, а также синтактикоцентристским дериватологическим моделям, описывающим функционирование деривационного механизма языка. Последние названные модели носят преимущественно отражательный и вследствие этого односторонний характер; их односторонность, по нашему мнению, обусловлена тем, что условность, изначально заложенная во внутренней форме слова, «не замечается», поэтому в концепциях подобного рода доминируют принципы ее выводимости (непосредственно из

внеязыкового плана либо из единиц языка разных рангов) и изоморфности, в частности, строение производного слова признается изоморфным строению словосочетания, пропозиции и т.п. В связи с этим было выдвинуто предположение о том, что природа ВФС носит противоречивый характер, что выражается наличием в ней полюсов условного и отражательного, формы и содержания, синхронно-функционального и генетического. Находясь между собой в противоречивых отношениях, данные полюса обуславливают онтологию и представляют собой источники, детерминирующие процессы функционирования исследуемого объекта. Их взаимодействие реализуется в форме обратной связи, что подтвердили исследования данных ассоциативно-деривационного эксперимента. На этом фоне выявляются доминанты – управляющие системы, определяющие характер деривационного функционирования, которые подвержены обратному воздействию на них систем управляемых. Так, например, семантический план лексических единиц доминирует при формировании и установлении формально-семантического развития слова в тексте, но находится под обратным воздействием факторов формального порядка. Формирование означаемого (план отражательный, безусловно, и в нем наличествуют элементы опосредованности) неизбежно связано с формированием означающего, синхронно-функциональные свойства слова в деривационном аспекте опосредованно формируются его генетической программой (ср. разный статус такой программы у слов *целитель* и *зритель*).

Изначальная же условность ВФС является фактором, определяющим ее самостоятельный, не выводимый ни из каких других источников (морфемных, синтаксических и т.п.) статус. Этот факт позволил нам рассматривать ВФС как механизм, предназначенный для осуществления деривационной функции слова, которое характеризуется значимым участием ВФС в процессах порождения речи. Мотивационное же содержание, заключенное в ней, является суппозицией, определяющей акты создания и воссоздания (выбора) слова. При этом деривационное функционирование предстает как своего рода условно-

технический акт, направленный на формально-семантическое преобразование исходного слова, которое включено в общие процессы порождения речи. При этом отметим, что условность является и предпосылкой для отвлечения от ВФС в процессах речевой деятельности: языковое сознание способно именно в силу наличия этого свойства у ВФС «не замечать» ее (данный факт подтверждается тем, что даже у слов-стимулов, обладающих высоким потенциалом деривационного функционирования, присутствуют ответы, ориентированные на семантику слова).

Перспективы настоящего исследования могут быть связаны с построением целостной концепции функционирования ВФС. Мы пытались доказать, что возможность неосознанного (спонтанного) включения актов морфемного анализа / синтеза свидетельствует о глобальности деривационной функции слова. Осознание же противоречий (осознание может принимать различные формы: выводиться из метаязыковых рефлексий, из практического владения языком), заложенных в самой ВФС, и выдвигание их на передний план порождает осложненное разными прагматическими задачами деривационное функционирование слова. Таким образом, деривационное функционирование слова, являясь относительно самостоятельным типом функционирования, оказывается связанным со стилистикой, прагматикой и т.п. становящегося текста, которые связаны с процессами коммуникации. Это, по нашему мнению, требует построения целостной концепции деривационного функционирования слова, в которой бы учитывалось, с одной стороны, наличие в нем разнородных планов, обладающих своей спецификой, с другой – намечались бы пути снятия складывающихся между этими планами противоречий.

С другой стороны, перспективой настоящего исследования может являться проблема функциональных различий формально-семантической и семантической форм деривации [см. Голев, 1989, с.165 – 182]. Так, несмотря на наличие определенного изоморфизма в строении графов, в динамическом плане

они оказываются разнонаправленными. Тогда как эксплицитные типы реакций в семантическом отношении направлены к ядру поля, имплицитные представляют собой постепенное удаление от исходного семантического ядра. В этом плане возможна постановка следующей гипотезы: формально-семантическая мотивация в одном из своих функциональных проявлений сдерживает омонимические тенденции в языке.

Особый интерес также представляет квалификация функционирования ВФС на шкале эксплицитное / имплицитное. Нужно сразу отметить, что хотя выраженные выходы представляют собой в детерминационном отношении связанные реакции, все-таки это происходит не всегда (например, слово-стимул *лекарь*), и с другой стороны, тот факт, что в ответе отсутствует продление формы, еще не является достаточным основанием для того, чтобы в данном случае ответ не был обусловлен ВФС. В этой связи возможно построение вероятностной модели (вероятность при этом будет представлять собой величину, объективно характеризующую степень участия ВФС в порождении текста) имплицитного функционирования ВФС. Интуитивно, например, ясно, что вероятность имплицитного функционирования ВФС в выходах *что это за (смотритель / наблюдатель / зритель), если он слеп*, характеризуется различными величинами: при слове-стимуле *смотритель*, она, очевидно, равна единице, тогда как относительно двух других лексем мы не можем ее указать достаточно определенно. Безусловно, что построение такой модели требует постановки новых задач как в теоретическом, так и экспериментальном планах.

Литература

1. Аветян Э.Г. Мера знаковости языка // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С. 11 – 20.
2. Адливанкин С.Ю. Мурзин Л.Н. О предмете и задачах дериватологии // Деривация и текст. – Пермь, 1984. – С. 3 – 12.
3. Алексеева С.В. Деривация текста и сбои в его образовании. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 1996. – 20 с.
4. Антипов А.Г., Катышев П.А. Информативность как свойство единиц словообразования // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С. 24 – 25.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т.1 Лексическая семантика. – М, 1995. – 472 с.
6. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М., 1966. – 302с.
7. Араева Л. А. Многозначное производное слово: когнитивный аспект исследования // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. – С. 3 – 4.
8. Араева Л.А. Парадигматические отношения на словообразовательном уровне. – Кемерово, 1990. – 77 с.
9. Беляева Н.А., Павлов В.М. Изменение мотивированности производных слов, образуемых по активной деривационной модели (на материале немецкого языка) // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С. 135 – 142.
10. Биbihин В.В. Принцип внутренней формы и редукционизм в семантических исследованиях // Языковая практика и теория языка. – М., 1978. – С. 52 – 69.

11. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. Учеб. пособие. – Томск, 1984. – 191 с.
12. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М., 1963. – 385 с.
13. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. – Л., 1978. – 255 с.
14. Бондарь В.Г. О когнитивном и речевом мышлении // Деривация в речевой деятельности. – Пермь, 1990. – С. 15 –20.
15. Варина В.Г. Лексическая семантика и внутренняя форма языковых единиц // Принципы и методы семантических исследований. – М., 1976. – С. 233 – 244.
16. Васильев В.П. Лексическая сочетаемость производного слова // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С.110 – 111.
17. Вепрева И.Т. К вопросу о семантической структуре глаголов со связанным значением // Семантическая структура слова. – Кемерово, 1984. – С. 42 –50.
18. Вепрева И.Т. Формально-семантические связи приставочных глаголов, образованных от семантически тождественных корней. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 1979. – 18 с.
19. Виноградов В.В. О формах слова // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 33 – 50.
20. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Исследования по русской грамматике. – М.,1975. – С. 166 – 221.
21. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. – М, 1959. – С. 419 – 443.
22. Волоцкая З.М. Установление отношения производности между словами // Вопросы языкознания. – 1960. – №3. – с. 100 – 107.

23. Габинская О.А. Номинация и лексическая объективация // Словопроизводственный процесс и функционирование производных единиц в языке и речи. – Курск, 1986. – С. 3 – 19.
24. Габинская О.А. Типология причин словотворчества. – Воронеж, 1981. – 145 с.
25. Гак В.Г. К проблеме отношения языка к действительности // Вопросы языкознания. – №5. – С. 45 – 59.
26. Гамкрелидзе К проблеме «произвольности» языкового знака // Вопросы языкознания. – 1972, №6. – С. 37 – 45.
27. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М, 1996. – 352 с.
28. Гельманов Г.Г. Определение мотивированности и производности родственных слов // Русский язык в национальной школе. – 1983. – №2. – С. 48 – 53.
29. Герд А.С. Морфемика в ее отношении к формообразованию // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. – Томск, 1994. – С. 34 – 39.
30. Гинзбург Е.Л. Синтаксическая и лексическая деривация // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1972. – С. 333 – 341.
31. Гинзбург Е.Л. Словообразование и синтаксис. – М., 1979. – 264 с.
32. Гловинская М.Я. Морфемная членимость слова в связи с его фразеологизацией // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1972. – С. 88 – 93.
33. Гловинская М.Я. О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации // Развитие современного русского языка 1972. – М., 1975. – С. 26 – 44.

34. Глейбман Е.В. Словообразование и формообразование в аппликативной грамматике // Проблемы структурной лингвистики – 1971. – М, 1972. – С. 213 – 245.
35. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. – Барнаул, 1997. – 148 с.
36. Голев Н.Д. Антропологическая и собственно лингвистическая детерминанты речезыковой динамики (процессы номинации и деривации в лексике) // Лексика, грамматика, текст в свете антрополингвистики. – Екатеринбург, 1995. – С. 7 – 8.
37. Голев Н.Д. Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке. – Кемерово, 1994. – С. 83 – 85.
38. Голев Н.Д. Введение в теорию и практику морфемно-словообразовательного анализа. – Барнаул, 1980. – 124 с.
39. Голев Н.Д. Внутренняя форма как универсальный принцип языка и речевой деятельности: на примере графики, орфографии, морфологии и лексики русского языка // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С. 8 – 12.
40. Голев Н.Д. Деривация и мотивация как формы оязыковлениной детерминации: инварианты и варианты // Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка. – Барнаул, 1998. – С. 65 – 84.
41. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск, 1989. – 252 с.
42. Голев Н.Д. Лексическая мотивация как функционально-семантическая категория // Словопроизводственный процесс и функционирование производных единиц в языке и речи. – Курск, 1986. – С. 13 – 30.
43. Голев Н.Д. Идиоматичность слова в лексическом и словообразовательном аспектах // Вопросы слово- и формообразования в

индоевропейских языках: Семантика и функционирование. – Томск, 1994. – С. 39 – 50.

44. Голев Н.Д. К вопросу о семантическом расстоянии между словами, связанными мотивационными отношениями (модификация) // Семантическая структура слова. – Кемерово, 1984. – С.17 – 27.

45. Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривационные контексты как форма проявления деривационной энергетики слова в тексте (проблемы, задачи, перспективы) // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. – Барнаул, 1998. – С. 13 – 33.

46. Голев Н.Д. Логический анализ синхронной типологии русских словообразовательных формантов // Семантико-синтаксические исследования слова и предложения. – Барнаул, 1995. – С. 13 – 22.

47. Голев Н.Д. Некоторые аспекты детерминации содержания языковых единиц // Детерминационный аспект функционирования значимых единиц языка: Языковые и неязыковые факторы. – Барнаул, 1993. – С. 14 – 28.

48. Голев Н.Д. О некоторых факторах словообразовательной мотивации в русском языке // Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка. – Курск, 1986. – С. 58 – 65.

49. Голев Н.Д. О соотношении семантических и мотивировочных признаков // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. – Вып. 7. – Томск, 1977. – С. 21 – 26.

50. Голев Н.Д. Суггестивное функционирование внутренней формы слова в аспекте ее взаимодействия с языковым сознанием // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. – Вып. 2. – Новосибирск, 1998. – С. 9 – 20.

51. Голев Н.Д. Текстовая деривация и деривационное функционирование лексических единиц в тексте // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. – Том 1. – С. 128 – 130.

52. Голев Н.Д. Фонетические мотиванты (взаимодействие разных уровней языка в сфере мотивации) // Семантика и системность языковых единиц. – Новосибирск, 1985. – С. 106 – 114.

53. Голев Н.Д. Функции мотивировки // Производное слово и способы его формирования. – Кемерово, 1990. – С. 29 – 39.

54. Голев Н.Д. Функции эпидигматики в языке и речи (постановка проблемы) // Типы языковых парадигм. – Свердловск, 1990. – С. 58 – 64.

55. Голев Н.Д. Эпидигматика и деривационные процессы в речи (детерминационный аспект) // Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: Синхронное словообразование и номинация. – М., 1995. – С. 19 – 28.

56. Гридина Т.А. Междусловные фоносемантические ассоциации как основа каламбура // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. – Свердловск, 1991. – С. 59 – 70.

57. Губанова В.А. Мотивировочные признаки. Их разряды. Функционирование. // Проблемы ономазиологии. – Орел, 1974. – С. 113 – 128.

58. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию – М, 1984. – 400 с.

59. Гусар Е.Г. Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы текста (на материале современного русского языка). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1995. – 20 с.

60. Демешкина Т.А. Типы смысловых отношений мотивационно связанных слов (лексикологический аспект). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 1984. – 21 с.

61. Домогатская В.В. К вопросу о системе словообразования. Место словообразования отвлеченных имен существительных в общей системе словообразования // Проблемы ономазиологии. – Курск, 1975. – С. 191 – 204.

62. Доронина Н.И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента). – Дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999. – 247 с.

63. Ейгер Г.В. Механизмы контроля языковой правильности высказывания. – Харьков, 1990. – 184 с.
64. Ермакова О.П. Фразеологичность семантики производных слов различных словообразовательных структур // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 57 – 63.
65. Иванникова Е.А. О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов // Лексическая синонимия. – М., 1967. – С. 104 – 121.
66. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – 1964. - № 6. – С. 26 – 38.
67. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. – М., 1967. – 370 с.
68. Засорина Л.Н. О некоторых эмпирических принципах металингвистики // Вопросы металингвистики. – Л., 1973. – С. 5 – 25.
69. Зеленецкий А.Л. Отношение дискретного и континуального в языке и методике языкознания // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. – Том 1 – М., 1995. – С. 180 – 181.
70. Земская Е.А. Как делаются слова?. – М., 1963. – 47 с.
71. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М, 1992. – 221 с.
72. Зильберт Б.А. Мотивированность языковых знаков: опыт типологии // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С. 26 – 35.
73. Звегинцев В.А. Семасиология. – М., 1957. – 322 с.
74. Зубкова Л.Г. Иерархическая структура звуковой формы слова // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С. 12 – 14.

75. Зубкова Л.Г. О причинах межъязыковых различий в звуковой организации слова // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. – М., 1981. – С. 112 – 116.
76. Зубкова Л.Г. О соотношении звучания и значения слова в системе языка (к проблеме «произвольности» языкового знака) // Вопросы языкознания. – 1986. – №5. – С. 55 – 67.
77. Зубкова Л.Г. Язык как форма. Теория и история языкознания. – М, 1999. – 237 с.
78. История лингвистических учений. Древний мир. – Л., 1980. – 260 с.
79. Капанадзе Л.А., Красильникова Е.В. Об актуализации морфемной членимости слова в речи // Развитие современного русского языка 1972. – М., 1975. – С. 114 – 140.
80. Катлинская Л.П. К вопросу о категориях описания в синхронном словообразовании // Вопросы языкознания. – №6. – С. 104 – 114.
81. Катлинская Л.П. Живые способы создания новых слов // Русский язык в национальной школе. – 1983. – №1. – С. 9 – 13.
82. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. – 1984. – №4. – С. 3 – 13.
83. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. – 216 с.
84. Ким Л.Г. Контекст как особый вид переосмысления семантики производного слова // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С. 69 – 70.
85. Кияк Т.Р. О «внутренней форме» лексических единиц // Вопросы языкознания. – 1987. – №3. – С. 59 – 70.
86. Козлова И.Е. О степени мотивированности языкового знака в русском и французском языках // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С. 116 – 118.

87. Колчин С.А. Именование лиц в современном русском языке. – Автореф. дисс. канд. фил. наук. – Томск, 1988. – 21 с.
88. Косаренко О.Т. Деривационные возможности морфем в близкородственных языках. – Автореф. дисс. канд. фил. наук. – Воронеж, 1998. – 22 с.
89. Кретов А.А. Значение, пресуппозиция и значимость глагола видеть // Семантика и системность языковых единиц. – Новосибирск, 1885. – С. 38 – 47.
90. Крылов Н.А. Типы основ в современном русском языке. – Филологические науки. – 1963. – №2. – С. 31 – 34.
91. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия. // Вопросы языкознания. – № 5. – С. 64 – 76.
92. Кубрякова Е.С. Динамическое представление синхронной системы языка // Гипотеза в современной лингвистике. – М., 1980. – С. 217 – 161.
93. Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты процессов деривации // Фатическое поле языка (памяти профессора Л.Н. Мурзина). – Пермь, 1998. – С. 45 – 51.
94. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М., 1986. – 150 с.
95. Кубрякова Е.С. Еще раз о месте словообразования в системе языка // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 48 – 52.
96. Кубрякова Е.С. О номинативном компоненте речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 1984, №4. – С.13 – 22.
97. Кубрякова Е.С. О типах морфологической членимости слов, квази-морфах и маркерах // Вопросы языкознания. – 1970. – №2. – с.78 – 90.
98. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. О типологии процессов деривации // Теоретические аспекты деривации. – Пермь, 1982. – С. 7 – 20.

99. Кубрякова Е.С. Словообразование // Общее языкознание: Внутренняя структура языка. – М, 1972. – С. 344 – 393.
100. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 53. - № 2. – 1994. – С. 3 – 15.
101. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М., 1981. – 200 с.
102. Кубрякова Е.С. Теория мотивации и определение степеней мотивированности // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. 2. – Ташкент, 1976. – С. 48 – 52.
103. Кузнецова А.И. Морфемный анализ и диахрония // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. – Пермь, 1977. – С. 55 – 63.
104. Кузнецова А.И. Ефремова Словарь морфем русского языка. – М, 1986. – 1135 с.
105. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М., 1962. – 456 с.
106. Левицкий Ю.А. О производстве и воспроизводстве единиц языка // Деривация в речевой деятельности. – Пермь, 1990. – С. 11 – 15.
100. Лейзерсон О.Д. К вопросу о грамматичности сложного слова // Вопросы языкознания. – 1969. – №1. – С. 62 – 67.
101. Леонтьев А.А. О специфике слова // Морфологическая структура слова в языках разных типов. – М., 1963 – С. 133 – 138.
102. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. – М, 1965. – 254 с.
103. Лопатин В.В. О двух этапах морфемного членения слова // Развитие современного русского языка 1972. – М., 1975. – С. 45 – 52.
104. Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. – М., 1977. – 313 с.

105. Лыков А.Г. Дискретное и континуальное в выражении лексической семантики // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. – Том 2. – М., 1995. – С. 325 – 327.
106. Лыкова Н.А. Континуальное и дискретное в языке // Филологические науки. – 1999. - № 6. – С. 54 – 62.
107. Малеева М.С. Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте. – Воронеж, 1983. – 127 с.
109. Максимов В.И. О методе словообразовательного анализа // Вопросы языкознания. – 1974. – №1. – С. 108 – 115.
110. Максимов В.И. Структура и членение слова. – Л, 1977. – 147 с.
111. Мейеров В.Ф. Семантическая структура производного слова и ее отражение в словарях // Семантика и системность языковых единиц. – Новосибирск, 1985. – С. 92 –106.
112. Мечковская Н.Б. Методологический смысл категорий «языковое сознание» и «метаязыковая рефлексия» // Лингвистика на исходе XX: итоги и перспективы. – Том 2. – М., 1995. – С. 342 –344.
113. Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. – М., 1980. – 296 с.
114. Милославский И.Г. Лексическое, словообразовательное и грамматическое в словоформе // Филологические науки. – 1980. – №1. – С. 44 – 51.
115. Милославский И.Г. Многоморфемное слово, его лексическая парадигма и семантическая структура // Актуальные проблемы русского словообразования. – Том 1. – Ташкент, 1975. – С. 21 – 24.
116. Милославский И.Г. К вопросу о морфеме как значимой единице языка // Филологические науки. – 1969, №2. – С. 74 – 83.
117. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М., 1981. – 254 с.

118. Михайлов М.А. Вопросы морфологического анализа (проявление выделяемости морфем в деривационных процессах). – Ворцлав, 1976
119. Михайлов М.А. Воспроизводимость и производимость единиц (к истории терминов) // Термин и слово. – Горький, 1882
120. Михайлов М.А. Речевая номинация и выделяемость морфем. – Красноярск, 1989. – 161 с.
121. Михалева Е.В. Особенности семантической структуры слов с лексикализованной внутренней формой // Русские говоры Сибири (семантика). – Томск, 1995. – С. 36 – 42.
122. Морозова Т.С. О фразеологичности семантики производных слов // Русский язык в национальной школе. – 1983. – № 3. – С. 15 – 21.
123. Мурзин Л.Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах // Деривация и история языка. – Пермь, 1987. – С. 4 – 10.
124. Мурзин Л.Н. Лингвистическое моделирование и деривация в речевой деятельности // Деривация в речевой деятельности. – Пермь, 1990. – С. 4 – 10.
125. Мурзин Л.Н. О динамической природе языка // Спорные вопросы русского языкознания. Теория и практика. – Л., 1983. – С. 61 – 68.
126. Мурзин Л.Н. Об основаниях деривационной грамматики // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистики. – Пермь, 1991. – С. 37 – 39.
127. Мурзин Л.Н. О деривационных механизмах текстообразования // Теоретические аспекты деривации. – Пермь, 1982.
128. Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. – Пермь, 1984. – 56 с.
129. Мурзин Л.Н. Принцип деривации и деривационная грамматика // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. – Барнаул, 1998. – С. 238 – 248.
130. Мурзин Л.Н. Синтаксическая деривация. – Пермь, 1974. – 170 с.
131. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – М., 1979. – 303 с.

132. Наумов В.Г. Перспективы развития мотивологии как лексикологической дисциплины // Человек – коммуникация – текст. Вып. 2. Ч. 2. – Барнаул, 1998. – С. 48 – 49.
133. Наумов В.Г. Явление взаимной мотивации слов в лексикологическом аспекте // Русские старожильческие говоры Сибири. – Томск, 1987. – С. 95 – 103.
134. Наумов В.Г. Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 1985. – 17 с.
135. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1984. – 253 с.
136. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. – Минск, 1985. – 157 с.
137. Оглезнева Е.А. О факторах, влияющих на степень идиоматичности производного имени // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С. 41 – 43.
138. Огольцева Е.В. Деривационное значение как компонент семантической структуры производного слова. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1992. – 21 с.
139. Основы теории речевой деятельности. – М., 1974. – 368 с.
140. Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. – Барнаул, 1998. – 251 с.
141. Павлов В.М. Полевой подход к структуре языка // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. – Том 2. – М., 1995. – С.398 – 400.
142. Панов М.В. О степенях членимости слова // Развитие современного русского языка 1972. – М., 1975. – С. 234 – 239.
143. Парадигматика в лексике и словообразовании. – Красноярск, 1987. – С. 47 – 52.

144. Пересыпкина О.Н. Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка (лексикографический и теоретический аспекты). – Дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1998. – 298 с.
145. Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. – М., 1989. – 254 с.
146. Пономарев Н.Ф. Статика и динамика в словообразовании // Дери́вация и история языка. – Пермь, 1987. – С. 58 – 64.
147. Постовалова В.И. Язык как деятельность: опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М, 1982. – 224 с.
148. Потebня А.А. Эстетика и поэтика. – М., 1976. - 614 с.
149. Потиха З.А. Современное русское словообразование. – М., 1970. – 384 с.
150. Рацибурская Л.В. Проблема выделения нерегулярной словообразовательной мотивации (на материале современного русского литературного языка). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 1990. – 17 с.
151. Резанова З.И. К построению функциональной модели словообразования // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. – Томск, 1994. – С. 112 – 124.
152. Резанова З.И. Мутационное словообразование: коммуникативно-функциональный аспект // Человек – Коммуникация – Текст. – Вып. 1. – Барнаул, 1977. – С. 75 – 84.
153. Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. – Томск, 1996. – 219 с.
154. Реформатский А.А. О членимости слова // Развитие современного русского языка 1972. – М., 1975. – С. 5 – 13.
155. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). – Томск, 2000. – 194 с.

156. Ростова А.Н. Мотивированность в метаречевой деятельности // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. – Томск, 1998. – С. 121 – 123.
157. Ростова А.Н. Явление лексикализации уменьшительно-ласкательных форм слов диалекта по данным метатекста // Производное слово и способы его формирования. – Кемерово, 1990. – С. 110 – 116.
158. Русская грамматика. Фонетика. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфемика. – Том 1. – М., 1990 – С. 123 – 435.
159. Сахарный Л.В. Структура слова-универба и контекст // Словообразовательные и семантико-синтаксические процессы в языке. – Пермь, 1977. – С. 27 – 37.
160. Скорнякова М.Ф. К вопросу о словообразовательном потенциале качественных прилагательных. // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1972. – С. 32 – 36.
161. Соболева П.А. Моделирование словообразования // проблемы структурной лингвистики – 1971. – М., 1972. – С.165 – 213.
162. Соколов О.М. Вопросы морфо-семантической соотносительности в лексике русского языка (материалы для спецкурса). – Томск, 1972. – 217 с.
163. Соколов О.М. Некоторые аспекты взаимообусловленности мотивационно-словообразовательной и лексической систем языка // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1975. – С. 41 – 48.
164. Соколов О.М. О месте семантики в описании мотивационно-словообразовательных отношений // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1978. – С. 3 – 17.
165. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. – М., 1971. – 341. с.
166. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики. – М., 1999. – 426 с.

167. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М, 1975. – 312 с.
168. Степанова М.Д. Словообразование, ориентированное на содержание и некоторые вопросы анализа лексики // Вопросы языкознания. – 1966. – №6. – С. 48 – 60.
169. Тимофеев К.А. Морфемика, словообразование, словопроизводство. – Новосибирск, 1993. – 67 с.
170. Тихонов А.Н. О семантической соотносительности производящих и производных основ // Вопросы языкознания. – 1967. – №1. – С. 112 – 121.
171. Тихонов А.Н. Членимость и производность слов типа физик // Развитие современного русского языка 1972. – М., 1975. – С. 186 – 191.
172. Толкунова Е.Г. О влиянии эмоционального фактора на речевую актуализацию морфем // Текст: структура и функционирование. – Барнаул, 1994. – С. 85 – 90.
173. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. – Воронеж, 1980. – 148 с.
174. Трофимов М.И. Об аналогии между языком и стенографией // Проблемы структурной лингвистики 1967. – М, 1968. – С. 126 – 135.
175. Трубникова Ю.В. Деривационное функционирование лексических единиц текста (на материале современного русского языка). – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1997. – 20 с.
176. Тубалова И.В. Показания языкового сознания как лингвистический источник изучения явления мотивации слов. – Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 1995. – 18 с.
177. Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность. – М., 1972. – 254 с.
178. Улуханов И.С. Компоненты значения членимых слов // Вопросы языкознания. – 1974. – №2. – С. 71 – 78.

179. Улуханов И.С. Мотивация и производность (о возможности синхронно-диахронного описания языка) // Вопросы языкознания. – 1992. – №2. – С. 5 –19.
180. Улуханов И.С. О степенях словообразовательной мотивированности слов. – Вопросы языкознания. – 1992. – №5. – С. 74 – 90.
181. Уровни языка в речевой деятельности (к проблеме лингвистического обеспечения автоматического распознавания речи). – Л, 1986. – 259 с.
182. Ховалкина А.А. Дискретное – континуальное в лексической семантике как производное явление одного из фундаментальных законов диалектики // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. – Том 2. – М., 1995. – С. 526 –527.
183. Хомский Н. Язык и мышление. – М., 1972. – 122 с.
184. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М., 1991. – 237 с.
185. Черепанов М.В. К понятию динамического аспекта синхронного словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1972. – С. 43 – 49.
186. Шарафутдинов Д.Р. Определение возможности синтаксической деривации существительного от прилагательного в современном русском языке. – Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998. – 23 с.
187. Шаумян С.К. Структурная лингвистика – М., 1965. – 395 с.
188. Шахнарович А.М., Гараева Л.И. Порождение и восприятие производного слова // Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности: Синхронное словообразование и номинация. – М., 1995 с. 3 – 10.
189. Шкуропацкая М.Г. Идиоматичность в отношении к спецификации и деривационному слову // Язык. Культура. Образование. – Великий Новгород, 2001. – С. 154 – 158.

190. Шмелев Д.Н. О третьем измерении лексики // Русский язык в школе. – 1971. – № 2. – С. 6 – 11.
191. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). – М., 1973. – 280 с.
192. Языковая номинация: Общие вопросы. – М, 1977. – 359 с.
193. Яковлев В.Н Морфемика и словообразование современного русского языка (тексты лекций). – Барнаул, 1990. – 62 с.
194. Янценецкая М.Н. Внутренняя форма слова и ее функции в системе языка // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. – Томск, 1991. – С. 62 – 69.
195. Янценецкая М. Н. Несколько замечаний по поводу словообразовательной структуры слова // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Вып. 3. – Томск, 1979. – С. 73 – 79.
196. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования. – Томск, 1979. – 242 с.